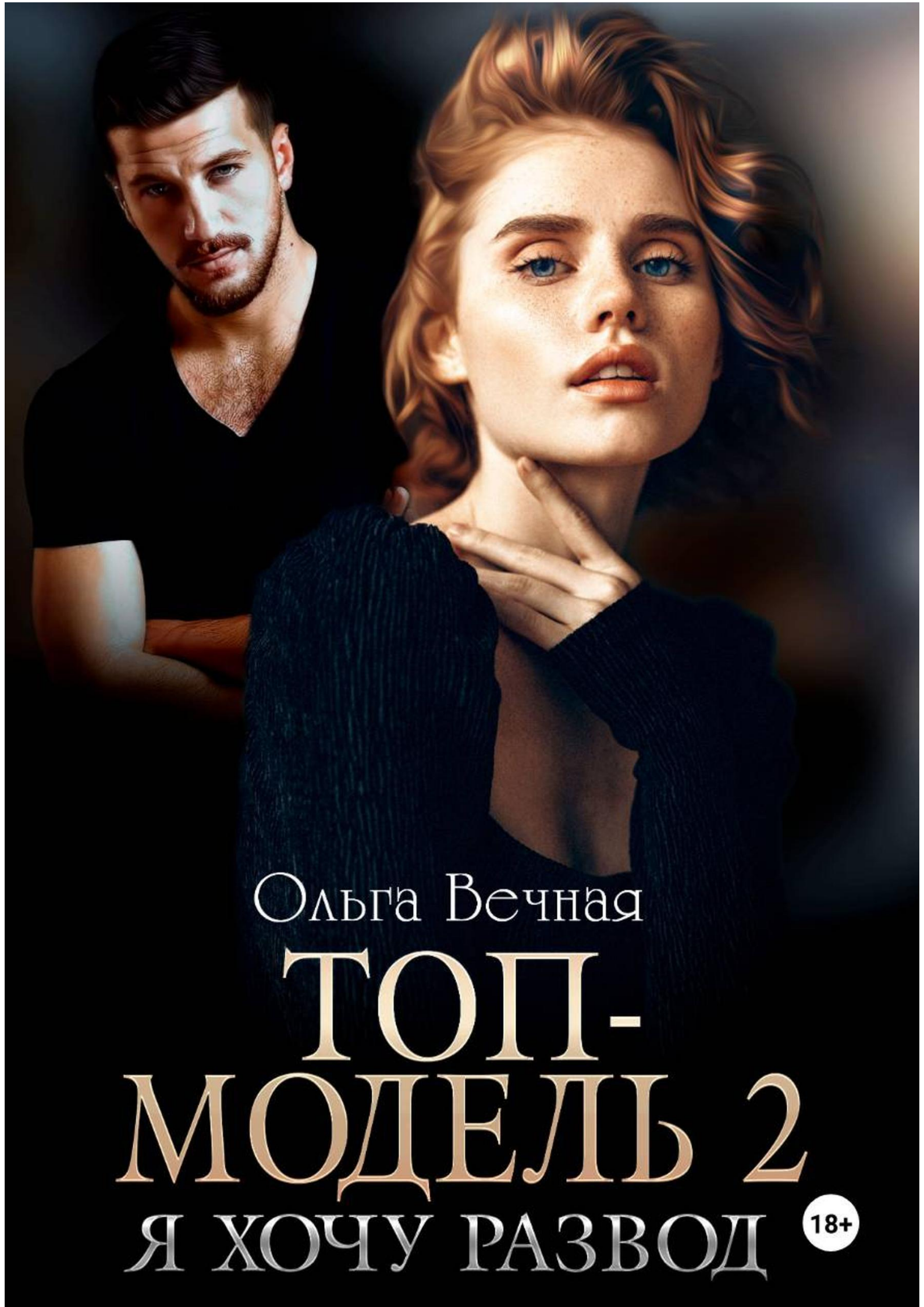

Ольга Вечная

ТОП-МОДЕЛЬ 2

Я ХОЧУ РАЗВОД

18+

Ольга Вечная

Топ-модель 2. Я хочу развод

«Автор»
2026

Вечная О.

Топ-модель 2. Я хочу развод / О. Вечная — «Автор», 2026

Нас с мужем связывают общий ребенок и моя любовь. Искренняя, но увы, не взаимная.У него своя жизнь, женщины, успешная карьера. Так было с самого начала нашего брака. И будет, наверное, всегда.В какой-то момент я понимаю, что моя дочь не должна видеть мать в слезах, и решаюсь подать на развод.

© Вечная О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 18
Глава 5 23
Глава 6 28
Глава 7 31
Глава 8 36
Глава 9 38
Глава 10 41
Глава 11 44
Глава 12 48
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Ольга Вечная
Топ-модель 2. Я хочу развод

Все вымышлено. Любые совпадения случайны

Глава 1

Я облокачиваюсь на стол в магазине «Мир колясок» и делаю медленный вдох-выдох. Тренировочные схватки становятся болезненными.

Скоро, малышка. Каких-то три-четыре недельки осталось, и можно встречаться. Транспорт тебе выберем только. Самый красивый и самый лучший.

Поглаживаю живот.

— Аня, все в порядке? — спрашивает обеспокоенная Папуша.

Если не считать того, что твой брат уже две недели не ночует дома, а у меня с утра до ночи адские треники, бессонница и изжога, — просто превосходно. Сжимаю зубы и стараюсь продышать боль.

— Да, в порядке.

— Когда ты к врачу, кстати? Тебя положат заранее, как обещали?

— Завтра на УЗИ. Посмотрим. Малышка никак не ляжет правильно.

Мы проходим вдоль ряда колясок — тут на любой вкус и цвет. И правда — целый мир.

— Мне почему-то хочется белую. Непрактично, зато красиво. — Тянусь к одной, катаю.

— Давай розовую! — смеется Папуша. — Умираю от желания увидеть Максима с розовой коляской!

Я вспоминаю нашу последнюю встречу с Максимом, когда он демонстративно прошел мимо, собрал некоторые вещи и ушел. Просто ушел, будто в кресле никого не было. Будто не было меня с огромным животом, в котором толкалась его дочка. Каким же козлом он может быть! Папуша себе даже не представляет.

Новый спазм скручивает едва ли не пополам. Я стискиваю ручку коляски, зажмуриваюсь. Считаю про себя: «Один, два, три...»

Господи, надо терпеть... Ощущаю тошноту. И так долбит уже второй месяц, то сильнее, то мягче.

— Аня, зайка, ты как? — Папуша берет за руку.

— Что-то мне и правда нехорошо. Поторопимся. — Обращаюсь к консультанту: — Я возьму эту. Давайте оформим доставку. — Протягиваю карточку.

У меня есть свои собственные деньги. За последние две недели я не сняла ни рубля с карты мужа. Он ни разу не поинтересовался, на что я живу и как.

Закончив с покупкой, выходим на улицу. Майское солнышко приятно греет лицо, я опираюсь на руку Папуши и достаю из сумки темные очки.

— Немного осталось, и увидим нашу девочку. Напиши завтра, что скажут на УЗИ. Я переживаю, что у тебя слишком аккуратный живот. И вообще, ты со спины не похожа на беременную.

— Я же кобыла высокая. Врач сказал, будь я ростом метр шестьдесят, смотрелась бы подругому А так... дочка там потягивается в удовольствие. Фух! Как больно. Аж слезы выступают.

В этот момент, к своему полнейшему удивлению, осознаю, что по ногам что-то течет. Прямо на асфальт капает. Пульс взрывается, боль становится на миг просто невыносимой.

— У тебя воды отошли, милая! — вопит Папуша. — Господи! Срочно в машину! Бегом!

Я сжимаю зубы. Бегом — сильно сказано. Опираюсь на руку Папуши и спешу, как только могу.

Папуша прыгает за руль, пристегивается. Говорит:

— Наберу Макса, пусть привезет вещи в роддом.

— Я думаю, у него найдутся дела поважнее.

— Аня...

— Твой брат сказал четко и ясно, что на родах присутствовать не собирается. Я скажу Семёну, он привезет.

Достаю мобильник и звоню охраннику. Затем сообщаю врачу, что случилось и как себя чувствую.

— В роддом, — командует тот.

— Едем!

Папуша выжимает газ, а я хочу позвонить еще кому-нибудь.

Почему так рано? Вдруг что-то идет неправильно? Папуша так нервничает, что приходится быть сильной, иначе мы обе начнем паниковать и рыдать. Сильной в этой машине оказываюсь именно я, как ни странно. Внутри же плещется море страха. Я кладу руку на живот.

— Доча, доченька. Ты как там? — шепчу.

Вспоминаю, что нельзя сидеть в родах, и съезжаю пониже.

— Папуша, она не шевелится. Затаилась или что? Папуша. Господи, Папуша.

Та достает из бардачка шоколадку и протягивает мне.

— Поешь сладкого. По навигатору осталось двадцать минут. Скоро, Аня, приедем. Потерпи.

Киваю, открывая шоколадку. Аппетита совсем нет, но дочка и правда реагирует на сладкое, а мне сейчас и без ее активности жутко! Поэтому откусываю и нервно жую. Глажу живот без остановки.

Малышка моя. Доченька.

Новая схватка поясом боли сжимает поясницу. Живот напрягается. Я вдруг осознаю, что совершенно не готова рожать сегодня. Я думала, придется перехаживать.

— Не переживай, — говорит Папуша, — если что, я приму роды.

Застываю. Перевожу обалделый взгляд на бледную как мел золовку и... хохочу.

Она тоже улыбается, а потом смеется. Я качаю головой.

— Доченька, доча, — причитаю. — Как ты там, крошка моя?

Через секунду чувствую движение, потом еще. Шоколадка дошла по назначению? Дочка вытягивает ноги, и они врезаются под ребра. Это больно, но и одновременно радостно.

— Шевелится! — ликую я. — Реагирует на шоколадку.

— Фух! Она, видимо, готовится к рождению.

— Видимо, — шепчу я. Губы пересохли, тело ломит.

— Ну ты даешь, Аня! — ругается Папуша. — Я знаю, что девка ты жизнью не обласканная, но, будучи в родах, шататься по магазинам... это же надо!

— Боль была терпимой.

— Стальная ты.

Папуша находит мою руку и сжимает. Машина летит по улицам так быстро, как только позволяют утренние заторы.

Дорога занимает полчаса, все это время схватки идут одна за другой, по нарастающей. Мне так больно, что к концу пути получается только беспомощно хныкать. А когда машина останавливается, я понимаю, что идти не в состоянии.

Неимоверным усилием воли, и не без помощи Папуши, заставляю себя выйти на улицу. Опираюсь на капот тут же. Скручивает так, что глаза закатываются.

— Аня, надо идти. Аня, — торопит золовка.

— Сейчас. Сейчас, Папуша... — задыхаюсь я.

К нам кто-то подбегает. Решив, что это Семён с сумками, я оборачиваюсь, готовая опереться на охранника, но замираю. Даже боль будто стихает. Потому что передо мной стоит Максим, ненавижу тебя, Станиславович Одинцов.

Впервые его вижу. Впервые за прошедшие две недели.

Как всегда с иголочки, в дурацкой белоснежной рубашке и брюках, несмотря на жару. Клоун.

— Максим, слава богу! — восклицает Папуша.

— Я же попросила ему не звонить! — накидываюсь на нее в каком-то безграничном, опустошающем отчаянии.

— Меня набрал Семён, — перебивает Максим.

— Помоги ей, что ты, блин, стоишь!

Я закрываю глаза, проживая новую схватку.

— Иди сюда. Анют. Аня.

Меня обнимают. Держат крепко, так что наконец получается расслабиться. И я... обезумев от страха и боли, забываю все, что было в последние месяцы. Послушно обнимаю за шею.

— Вот так. Умничка. Идем.

Максим подхватывает на руки.

— Все будет хорошо. Эй. Малыш. Посмотри на меня.

Его глаза черные, как сырая земля. Любимые глаза. Он мой самый любимый человек. На целый миг мы снова будто оказываемся вдвоем во всем мире. И я так хочу ему верить! Так сильно! Обнимаю изо всех сил.

— Не знаю, — шепчу. — Макс, еще рано. Слишком рано для рождения.

Глава 2

— Почему ты сразу не поехала в роддом, как схватки начались? Врачи бы остановили роды.

— Мама, говорю же, я думала, это треники. — Хожу по палате. Нервничаю.

Дышу. Все, что могу, — это дышать.

— Ты себе представляешь, что это значит — растить больного ребенка?! Моего опыта тебе мало? Ума нет, угробила девочку! Какая из тебя мать?! Горе ты, а не мать! Бедный Максим!

Я сбрасываю звонок и откладываю мобильник. Мысли разбегаются. Почему, ну почему так рано? Я ведь анализы сдавала, на приеме была недавно — все шло хорошо, не считая положения малышки.

Мама перезванивает, она как никто умеет накрутить меня до дикой паники и сжигающего чувства вины. Уже что-то вычитала в интернете и решила сообщить последствия преждевременных родов. В тот момент, когда я во второй раз сбрасываю вызов, в палату заходят.

Вздрагиваю и как-то сразу понимаю, что это Максим. Стоит в больничной одежде и резиновых тапочках, а я в пол пялюсь. Не на него, ни в коем случае. Лишь краем глаза касаюсь. Чувствую присутствие, ощущаю вторжение, нарушение личных границ. В глаза смотреть необязательно, да и не получается. Физически не могу его видеть.

Пол-окно-тумбочка.

— Ну что? — Я хватаюсь за спинку кровати. — Где там анестезиолог?!

— Скоро освободится. — Его спокойный голос бьет наотмашь.

Не могу с Максимом находиться в одном помещении!

— Скоро?! Ты не видишь, что я умираю?

— Мне его за шкирку из операционной притащить?

— Притащи! Депутат ты или кто?! Сделай хоть что-нибудь! — Горько всхлипываю. — Прости, я за малышку переживаю. Почему я не поехала в больницу рано утром? Или вчера? Я просто... У меня треники давно уже, мне говорили, что я сразу узнаю, когда схватки будут настоящими. А я не узнала. — Зажмуриваюсь и реву от отчаяния.

Давай, добивай, муж любимый. У тебя это отлично получается.

Он, кажется, подходит. Чтобы убедиться, надо поднять глаза. Я потираю поясницу машинально, чтобы хоть как-то облегчить состояние.

Спустя вдох чувствую прикосновение к спине через больничную сорочку. К тому самому месту, что разминала.

— Позволь мне, — говорит Максим заботливо. Как раньше.

Я вздрагиваю всем телом, собираюсь отпихнуть немедленно. Он начинает гладить, растирать. Его рука — большая, уверенная.

Моя — застывает в воздухе. Снова закрываю глаза и дышу.

— Перестань прикасаться ко мне, к бриллиантовой, — слышу собственный голос.

Так говорил обо мне Жан Рибу.

Нажатие становится в пять раз ощутимее, муж полностью игнорирует выпад. Прикусываю губу и вдыхаю громко.

— Ай!

— Легче?

— Да, — временно сдаюсь и смягчаю тон. Не защищаюсь. — Поясница. Капец просто, она сейчас отвалится.

— Твоя мать опять тебя накрутила? Аня, просто пришло время.

— Ты думаешь?

— Я сегодня не мог спать ночью, ждал, что ты позвонишь. Да, пришло.

Его движения становятся ритмичнее, и это невыносимо нужно в данный момент. Кое-как получается немного расслабиться, и я сразу чувствую, как живот опускается.

Время идет. Сквозь схватки осознаю, что уже второй час в палате нас двое. Врач заглядывает периодически, смотрит, как дела, и уходит.

И снова мы вместе. Муж и жена. Будто семья настоящая, которая и в горе и в радости. Которая действует заодно.

Мы так сильно поругались в тот раз, после которого не разговаривали. Я думала, что и не начнем уже.

Фразы короткие. По делу. Ни шагу на запретные территории. Ни шагу туда, где больно, где черное болото и ссоры.

Сердце только колотится. Я ведь так и не научилась смотреть в сторону мужа. Максом звать научилась, иногда позволяю себе цыганское Ману. Мнение свое высказывать научилась. А вот смотреть — нет.

Потому что пусть я из деревни, но гордость тоже имеется. И я лучше умру, чем еще раз покажу ему свой «щенячий взгляд».

А иначе смотреть, видимо, не получается. Как иначе-то на него смотреть, когда при одной мысли внутри все замирает: и тоска, и горе, и обида, и боль? В итоге одна сплошная боль. Не могу из сердца выкинуть, что бы ни делала. Но однажды получится.

Точно получится.

Мы перемещаемся по палате. Я то в кровати лежу, то хожу из стороны в сторону. Максим рядом. Говорит о чем-то, шутит.

Про коляску рассказываю. Лгу, что розовую выбрала, он вздыхает, соглашается. Я смеюсь. Господи! Он тоже улыбается.

Понять не могу: мы заключили короткое перемирие или... помирились? Максим ведь не хотел присутствовать. Он... сразу приехал и остался.

Разминает спину, приносит воду, поддерживает. Слова, что произносит, всегда правильные, пусть, может, лживые, но к месту.

Когда подключают эпидуралку, становится легче. Ночью даже получается немного задремать. Он рядом. Все время рядом, не звонит никому, не уезжает. И это так... странно. И не похоже на него.

Просыпаюсь от поцелуя в лоб, срабатывает рефлекс, и я открываю глаза.

Следом встревоженный голос мужа:

— Мне кажется, ты горячая.

Ищу его руку, как спасательный круг, вцепляюсь. Слабость сильная. Сколько я спала: час или десять минут?

Дочка толкается. Кладу ладонь на живот.

— Я за врачом, — говорит Максим.

Его встревоженный тон мгновенно рождает панику. Чтобы Максим тревожился? Когда такое было?! Не пускаю сначала — нужен очень, чтобы рядом, чтобы со мной! Но потом включаю голову и слушаюсь.

Хлопает дверь, я остаюсь совершенно одна.

Наверное, эта минута тишины — самая страшная за весь день. Одиночество и полная неопределенность. А может, она самая страшная за всю мою жизнь?

Не хочу быть одна. Мамочка, права ты. Не готова я стать матерью, сама еще дура дурой. Помощь нужна. Все не по плану пошло, не о таких родах я читала и смотрела ролики, вот и растерялась. Страшно, ужасно страшно не справиться. Мне больно, а еще я нестерпимо... просто смертельно, оказывается, вымоталась.

Вот только о маме думать не получается. Максим. Я трезво понимаю, что если помощь будет, то с его стороны. Как бы там ни было между нами. Помощь обязательно будет.

Максим возвращается с доктором. Опять осмотр. А мне тревожно! Суечусь, ерзаю, мужа глазами ищу. Он у изголовья стоит, тоже нервничает. Все идет не так с самого начала.

— У нашей Виты все будет хорошо? — шепчу я. — Максим, поклянись. Ты ведь видел ее во сне? Пожалуйста, не лги. Какая она была?

Он касается живота впервые за последние недели, и дочка толкается точно в его руку. Мое бедное, кое-как склеенное сердце сыпется, сама я сыплюсь.

Как так выходит, что ближе его нет? Что в самые сложные моменты — всегда рядом именно он. Ну как же так, любви-то не случилось. Лишь расчет и голое раздражение.

— Она была здоровой, — произносит Максим. — С большими темными глазами и беззаботной улыбкой. — Он поворачивается к врачу: — Ну что там?

— Все-таки едем в операционную, — цокает тот языком. — Больше ждать не рекомендую, девочка опять повернулась, не хочет опускаться. — Доктор снимает перчатки и командует акушерке: — Готовимся быстро!

Время останавливается.

— Я помню, что вы модель и что вам важно сохранить живот, но...

— Вы шутите? Дочку спасите! — кричу я. Хватаю Максима за руку.

— Зашью максимально аккуратно. Шов будет почти незаметным.

— Максим… — Я сжимаю его ладонь изо всех сил. — Максим, пожалуйста, будь с ней. Максим, я умоляю тебя. Она родится, не оставляй. Ей будет страшно.

Наши глаза встречаются. Впервые за... не знаю сколько времени. Мы смотрим друг на друга, и мне плевать, что он думает и на какую бездомную я похожа. Я требую от него клятвы. Не отпускаю до тех пор, пока он не сжимает в ответ.

— Я тебе обещаю.

— Позаботься о ней.

Я паникую. Сквозь шум и кипеш слышу, как Максим говорит:

— Я останусь на операцию. Что для этого нужно?

Наверное, в такие моменты обиды остаются позади. Пусть сквозь зубы, но мы дали клятвы поддерживать друг друга в горести, и мы их исполняем. Если бы он попал в беду, я бы сделала то же самое. Была бы рядом столько, сколько потребуется.

Максим держит за руку, пока меня перевозят в операционную. Он рядом, когда подключают наркоз, рядом, когда я отрубаюсь, точно зная, что он не уйдет. Никакая сила его сейчас с места не сдвинет: ни люди, ни магия.

Он встретит нашу девочку.

***

Голова чугунная.

Кое-как, согнувшись пополам, я шаркаю к палате. Медсестра сказала, что дочка спит, мне ее принесут попозже, но разве можно дождаться? Как только смогла встать, сразу пошла. Хочу увидеть. Погладить. Может быть, даже... поцеловать?

Иду медленно, сил совсем нет. Отделение, где детки, этажом ниже, благо лифт работает. Ступеньки я бы сейчас не одолела.

Нужный номер палаты. Я открываю дверь и вижу... мужа. Он сидит в кресле в той же зеленой хирургичке, что был на родах, и держит на руках сверточек.

Чуть не падаю. Для меня было шоком проснуться и обнаружить, что живота нет. Я... все пропустила, никак осознать не могу, что родила ребенка.

Такая тишина в ушах, словно мир замер. Вот она. Вита. Девочка моя.

Не верю. До сих пор поверить не могу. Волоски дыбом, дрожу от эмоций — их много так! Я путаюсь, захлебываюсь.

Максим большой мужчина, высокий, и сейчас, когда держит в руках нашу дочку, кажется просто огромным. Она... такая крошечная. Он поднимает глаза, я хватаюсь за косяк.

— Это она? Можно... мне? — шепчу.

Муж отвечает не сразу. То есть не мгновенно. И эта секунда тишины повисает в воздухе страшным кошмаром. Словно ответ на вопрос может быть и отрицательным. Словно всё... в моих руках.

Максим произносит:

— Конечно, Аня. — Неспешно поднимается. — Присаживайся. — Улыбка трогает его губы. — Она... настоящая красавица. Не могу выпустить из рук.

В груди больно. Так больно, что дышать не могу. Максим помогает присесть, устраивается рядом и показывает доченьку. Маленькую и самую красивую девочку на свете! Я так робею, что не сразу беру ее на руки. Но влюбляюсь с первого взгляда. Неужели это чудо — мое. Это она сидела у меня в животе, это я ее создала. Такие губки крошечные, носик... глазки закрыты, Вита сладко спит.

Максим рассказывает, как кормил ее из шприца.

— Медсестра сказала не держать на руках, но как же не держать? Я пробовал положить, она занервничала. Вот и сидим.

А я смотрю на Виту, на крошку свою. Не могу поверить, просто не могу поверить, что все позади.

— Она покушала, да? — выдыхаю.

— С аппетитом, — кивает Максим.

Снова вдребезги. Всегда так.

Вита открывает ротик и широко, сладко зевает. Живая куколка.

Время идет, и я, наконец, осознаю, что муж не собирается отчитывать меня за ранние роды. Поэтому не обвиняю его в том, что сам до них и довел. Мы оба... идем на мировую?

— Ты хочешь поговорить? — спрашиваю по-доброму.

— Попозже обязательно, — отвечает он как всегда спокойно.

Качаю головой. Сейчас. Хватит молчания. Я набираюсь смелости и выпаливаю:

— Как твоя интрижка?

— Закончена.

— Тогда... если хочешь, можешь вернуться домой.

Глава 3

Примерно шесть месяцев спустя

Мой муж наполовину цыган. В нем много светского. Наверное, больше, чем в ком бы то ни было: он посещал элитные школы, учился в престижном вузе у лучших преподавателей. Его друзья и подруги из современного, знакомого мира. Но, видимо, некоторые вещи передаются на генетическом уровне и не поддаются трансформации. Он такой, какой есть, и глупо верить, что я когда-нибудь смогу изменить хоть что-то в этом человеке.

Я приехала в столицу наивной глупышкой и с разбегу влетела в клан Одинцовых. Семья мужа — как маленькая сплоченная община, где все друг за друга, где близкие регулярно общаются, видятся и живут по негласным правилам. Община, где нет секретов и тайн. И где самое страшное наказание — отлучение.

Соблюдай законы — и все у тебя будет. Поддержат, помогут, не дадут в обиду, что бы ни случилось. Ты только... соблюдай эти правила.

Чего бы это ни стоило.

***

— Вот эта фотография хорошая, — говорю я подруге. — Видно, что ты поработала. И здесь. Вот эти две нормас, остальные, прости, не нравятся. Не хочу тебя расстраивать, но ты сама просила честное мнение. Я бы их не купила.

Диана смотрит на экран ноутбука, моргает, борясь с желанием расплакаться. Она тоже из Упоровки и приехала покорять столицу по моему примеру. Вообще, после моей свадьбы с депутатом многие девочки бросились менять свою жизнь. Я никого не собиралась вдохновлять, просто так вышло.

— Смотри. Бренду не интересно, как именно ты получилась, — объясняю. — Им вообще до тебя нет дела. Единственное, что имеет значение — продала ты товар или нет. Попала ли в нужный образ? Вот здесь ты очень миленькая, но это фото для анкеты на сайт знакомств, акцента на губах нет. А тебе нужно было продать блеск. Поэтому и отказ.

— Я не понимаю. Покажи. Фух... Давай три кадра, как бы Аня Февраль продала этот блеск.

Я смеюсь, доедая салат.

— Прямо сейчас? — бубню с набитым ртом.

— Да, на счет «три». Один, два... — Диана хватает мобильник и включает камеру.

— Да погоди ты!

Торопливо дожевываю. Достаю сумочку, а оттуда косметичку. Мимолетно бросаю взгляд на часы — Максим должен вот-вот привезти Виту. Они сегодня развлекались вдвоем, пока я работала.

Крашу наскоро губы. Диана настраивает телефон и делает несколько кадров, я быстро меняю позы.

— Ва-а-у! — тянет она. — Как?! Как ты это делаешь?! А теперь продай мне тушь!

Смеюсь и показываю, как сделала бы я, если бы предложили поучаствовать в такой рекламной кампании.

Диана просматривает фото и качает головой:

— Ты такая простая в общении, но стоит щелкнуть фотиком — другой человек.

— Пока учусь. И ты научишься. Я... действительно много тренируюсь. Очень много. Максим иногда цокает языком, когда мы с Витой часами позируем перед зеркалом, выбирая идеальный образ.

— Как для «СвитБэг»?

— Да! Например. Я же там на себя не похожа, и это нормально.

Диана находит в соцсети страницу модного бренда сумок, и я там на первой полосе в ярком зеленом платье, с рюкзаком. Фотография действительно классная, под ней куча комментариев. Вчера вроде бы столько не было? Забеспокоившись, открываю ветку и вижу тот самый ролик.

Пот прошибает! Всегда одна и та же первая реакция. Когда уже абстрагируюсь? Когда обрасту толстой кожей? Стыд чудовищный.

Нажимаю кнопку «пожаловаться». Модераторы не успели подчистить.

— Что там?

— Все нормально, забей.

Убейволк, Лев и вся его компания отбывают срок в колонии строго режима. Максим в их отношении был жесток, но время назад не отмотаешь — видео, где мы занимаемся сексом, завирусилось. Впервые оно вошло в топ просмотров, когда Макс подрался с Убейволком, спасая меня. Идиотов столько было! Писали мне в личку, пока он не устроил показательную порку одному из них.

Но ролик, конечно, никуда не делся, и каждый раз, когда где-то мелькают мои фотографии, какой-нибудь уникум его притаскивает со словами: «А не эту ли модель тут имеют как последнюю блядь?»

Ниже споры, эту или не эту, конца и края которым нет!

У меня на носу был шикарный, просто потрясающий контракт с брендом для беременных. У них еще есть отличная линейка кремов для тела, я могла бы работать и после родов, но на самом последнем этапе получила отказ. Почему — не объяснили, но намекнули, что беременность в их представлении не ассоциируется с сексом. А я у людей — ассоциируюсь.

У всех, блин, кроме собственного мужа! Сейчас уже ровно, а тогда — как ударили. Такая обида взяла! Разозлилась страшно! Я столько времени потратила на кастинг. А может, просто доказать хотелось Максиму, что могу, что крутая!

— А как, по-вашему, беременность получается? — уточнила. Рассмеялась менеджеру в лицо: — Непорочно трахают, что ли, ваших покупательниц? У меня зато все прозрачно. Вот секс, вот живот, — ткнула на слоненка.

В общем, уж не знаю из-за длинного языка или порочного видео, но осталась я без контракта и денег.

Впрочем, чуть позже появились другие варианты.

— Аня, смотри, твой муж, — выпаливает Диана.

Поднимаю глаза и действительно вижу Максима. Он заходит в кафе с дочкой на руках, оглядывается, находит меня. Подскакиваю и спешу к ним!

Вита подпрыгивает, тянется, а у меня такое счастье, что словами не описать! Любая, даже крошечная разлука с дочерью — это пытка. Не думала, что когда-то смогу так сильно любить. И что любовь эта будет взаимной.

— А где моя девочка? Где мое солнышко? Звездочка сладкая! — Беру Виту, прижимаю к себе, та сразу начинает беспокоиться, ерзать. Я обращаюсь к Максиму: — Привет. Она ела?

— Заявила, что, если мне надо, я сам могу поесть из той бутылки, что ты оставила. Юной леди такое не в кайф.

Смеюсь.

— Вообще отказалась? Тогда она же голодная, Макс.

— И не только она, — усмехается муж. — Эти три часа были длинными. В следующий раз я привезу орущего ребенка к тебе на съемку, Аня, — говорит строго.

Я делаю вид, что не тушуюсь от его голоса.

— Хорошо. Спасибо тебе, — благодарю искренне. — Пообедаешь с нами? Мы только сделали заказ.

Максим смотрит на часы.

— Да, успеваю. Привет, Диана.

— Добрый день, — улыбается та, мгновенно оробев.

Он по-прежнему одинаково действует на всех моих подруг, и если раньше это вызывало горячую ревность, то теперь — больше сухое раздражение. Сколько можно кипеть? Надежда его очаровать давно испарилась.

Присаживаемся за стол. Я отворачиваюсь, прикрываюсь пеленкой и прикладываю дочь к груди.

Максим мажет по нам глазами, чуть сжимает зубы и берет меню. Ему не нравится, что я кормлю Виту в общественных местах, еще меньше — что езжу на работу и участвую в съемках. Спорить с ним трудно, но другого выхода нет: если я не буду учиться и работать, навсегда останусь домашней зверюшкой, как Луна, которую в свободное время он не против погладить.

Нам приносят блюда, Максим принимается за еду, Диана тоже ковыряет вилкой в тарелке.

— Чуть не забыл, твоя мама звонила, — произносит Максим. — Слушай, Ань, она зовет меня теперь исключительно «господин Одинцов». Давно в нашей семье взялись эти низкопоклонические вещи?

Он сказал «в нашей семье», потому что мои родные теперь тоже к ней относятся. Говорю же, клан.

— После вашей ссоры, когда Вита родилась. Вообще-то уже полгода.

— Да? — хмурится он. — В тот момент меня повысили до господина?

Диана смеется, я тоже улыбаюсь. Пожимаю плечами.

— Или понизили? Она ведь тем самым дает понять, что я ей не нравлюсь, — догадывается мой образованный муж.

— Что ты недалекий высокомерный сноб, — подсказываю я.

— Вот как.

Прыскаю.

— Прости. Ты же знаешь маму. Либо делаешь, как она скажет, либо становишься недалеким.

— А что случилось? — спрашивает Диана.

— После родов мама приехала помогать с Витой. Первый месяц был тяжеленьким, дочка родилась раньше срока и была совсем крошкой. У нее не было сил сосать молоко, я таскалась с этими молокоотсосами, пытаясь наладить процесс. Мама же вынесла мне весь мозг, и когда Максим в очередной раз приехал с работы, а я в слезах, он просто взял ей билет обратно.

— Ничего себе!

— Мама прожила у нас пять дней и больше с тех пор не приезжала ни разу. — Опускаю глаза и добавляю с легкой улыбкой: — А Максим из любимого зятя превратился в господина.

Макс тем временем успевает доесть салат. Смотрит на дочку и расплывается в улыбке. Вита налопалась и сидит у меня на коленях, крутит в руках погремушку. Поймав взгляд отца, улыбается, а потом визжит от радости. Тянет ручки.

— Вита, погоди, дай папе поесть. Он только сел.

— Все нормально. — Максим поднимается и берет дочь. — Поешь сама, тощая стала, одни глаза и ноги, — отчитывает меня беззлобно. Возвращается на свое место. — То ли дело вот эта булочка, да? Вот это щеки, идеальной формы. — Он наклоняется и зацеловывает Виту в шею, та снова визжит от восторга.

Любит его. Очень любит.

В груди сладко ноет тут же. Я смотрю на этих двоих и не могу проглотить кусочек курицы, который до этого жевала. Не могу привыкнуть. Не получается. Каждый день вижу, как Макс с

дочерью возится, и каждый раз до слез прошибает. Все опасаюсь подвоха, какого-то сюрприза неприятного.

Но какие уж тут сюрпризы! Он ее ждал. Если начистоту, он ждал ее больше, чем я.

Моя дочь растет в любви и обожании. Она... даже не представляет себе ситуацию, чтобы папа ее проигнорировал, чтобы не улыбнулся и не затискал. Он другой с ней. Для всех, в том числе домашних, есть один Макс Одинцов — суровый, ответственный, вечно погруженный в дела. И только для этой девчушки существует вариант номер два — папа Виты.

Как-то раз он говорил по телефону по работе, отчитывал кого-то, но не повышая голоса и, конечно, без ругательств, — она услышала и разрыдалась. Не поняла, почему папа злится, и так горько ревела, что Максим потом долго просил прощения.

Моя дочка совсем не такая, как я. И растет в других условиях.

Об этом, кстати, не раз говорила мама: избалуете девочку. Но как тут не баловать?

Максим ее с рук не спускает. И он действительно будто рад... просто рад, что у него есть ребенок. Его собственный.

Когда он уезжает и я успокаиваю Виту, отвлекая от расставания с отцом, Диана произносит:

— Боже, Февраль, у тебя идеальный муж. Если бы у меня был такой, я бы ни дня не работала, только бы рожала ему детей. Как в сказке Пушкина: я б для батюшки-царя родила богатыря!

— Но мы ведь не в сказке, — улыбаюсь я, целуя дочку.

У меня есть своя машина, но зачастую нас с Витой сопровождает Семён или Альберт, водитель Максима. Сегодня за рулем Семён, он останавливает авто у дома, в котором снимает комнату Диана. Мы тепло прощаемся.

Провожаю глазами подругу, которая забегает на крыльцо, и опускаю их.

— Хотите мороженое? — весело спрашивает Семён.

— Что?

— Мороженое будете? По пути можно заскочить в МакАвто. Я бы съел. Ну и я угощаю.

— Вообще, можно, — улыбаюсь. — Спасибо, Сёма. Классная идея.

— Абсолютно не за что. Только не грустите, пожалуйста.

— Не буду.

Я достаю мобильник и смотрю на верхнее письмо в ящике. Там несколько фотографий, на них ничего криминального — Максим разговаривает с девушкой. Только разговаривает. Он... обычно предельно осторожен, попался только единожды. Со мной.

Сжимаю зубы.

«Гостиница ”Флорет”, номер 16. Сегодня. Будьте в курсе. Поклонник».

Качаю головой. Это уже третье письмо, первые два я сразу после прочтения удалила. Мне часто пишут. И Максиму, знаю, тоже пишут про меня какую-то чушь. Людям делать нечего.

Вновь смотрю на фотографии: эффектная девушка. Брюнетка. Лица не видно, но фигура отпад.

Закрываю письмо и зажмуриваюсь. Диана права, у меня идеальный муж. Вот только жизнь с ним — хождение по раскаленным углям. Я замужем год, не глупая, понимаю: если муж не спит с женой, значит, он спит с другой женщиной.

Мне на это плевать: у меня есть дочь, есть дом, учеба и работа. У меня все хорошо.

Вот только почему же так больно? Каждый раз! Почему так нестерпимо больно даже думать о том, что Максим обнимает другую? В груди горит, крутит, тянет. Это какая-то изощренная пытка — жить с ним, видеть его каждый день. И знать.

Осознаю, что пальцы дрожат.

Семён протягивает мороженое, я беру неудачно, и оно падает прямо между сиденьями. Он тут же заверяет, что все в порядке, жертвует мне свое. Сам же сворачивает на парковку и достает влажные салфетки. Вита морщится во сне, а потом широко улыбается.

Я не удерживаюсь и целую ее в лоб. Мое сердце, мое спасение. Единственный фактор, почему я еще не сошла с ума от своего «счастливого» замужества с идеальным мужчиной.

— Что ж, малышка, судя по всему, папа снова задержится. Не будем с тобой готовить ему ужин, да? Лучше займемся чем-нибудь повеселее.

Глава 4

Разноцветные тряпочки, которые нашила мама для Виты, — просто топ. Мы десять минут перебираем, гладим, рассматриваем. Разная фактура ткани интересует дочку безмерно! Ни одна дорогущая игрушка пока такого эффекта не имела.

— Смотри, вот так еще можно. — Я кутаю куколку в ткань. — Платье получается, да? Как у Виты платье! Только зеленое. А у Виты голубое, — показываю, рассказываю.

Дочка еще слишком мала, чтобы наряжать кукол, но ей нравится любая деятельность, поэтому она мгновенно включается и... добит пупсом об пол. Затем берет машинку, которую купил Максим, кладет на ковер и накрывает, будто одеялом.

Смеюсь:

— Да моя ты девочка! Маминого пупса, значит, об пол, а папин мерс баиньки! Виточка уложила машинку спать! Булочка заботливая.

Картинка выходит настолько славной, что дочь не выдерживает, хватает машинку и тянет ко рту.

Вита внешне похожа на папу — смуглая, темноволосая. Когда родилась, глаза были ярко-голубыми, теперь карие и продолжают темнеть с каждым днем. Смотрю в них и поражаюсь — разрыв шаблона у меня. Глаза Максима — точь-в-точь, при этом такие добрые, веселые и счастливые, каких я у мужа отродясь не видела.

А жаль, ему бы пошло. Вита теряет интерес к тряпочкам, и я собираю их в пакет. Бросаю взгляд в окно — фары мелькнули или показалось? Бр-р.

Зря так рано отпустила Семёна, иногда он сидит с нами вечером. Вдвоем с дочкой не то чтобы страшно. Некомфортно.

Максим купил этот дом, когда я была на шестом месяце беременности. Когда Вите исполнился месяц, мы сюда переехали. Ремонт делали на скорую руку. Квартира Максима показалась тесной для троих. А для двоих, если начистоту, особенно.

— Что ж, пойдем купаться? — предлагаю дочке весело.

Поднимаюсь, иду в ванную и включаю воду. В этот момент щелкает замок.

От неожиданности я замираю.

Смотрю на часы — и восьми нет. Рано он что-то.

Тут же суетиться начинаю на ровном месте! Проверяю воду, убавляю горячую, добавляю. Целую Виту, хватаюсь за полотенце. Дочка тянется к своим резиновым уткам, я машинально вручаю ей одну, хотя это игрушки для ванны.

Максим для меня — гость, был им раньше и навсегда останется. К его приходу нужно подготовиться, хотя бы морально.

Себя оглядываю — бежевый домашний костюм, топ и широкие длинные штаны. Пойдет. В зеркало быстрый взгляд, потом на дочь — в любопытные карие глаза. Целую. Целую. Целую ее в сладкие щеки.

— Неужели это папа? — Стараюсь, чтобы голос звучал максимально бодро.

Дочка радуется. Это слово она знает прекрасно.

А мне дурно! Тошнота у горла и легкое головокружение. Любить Максима — это болезнь, как испытывать страсть к недоступной рок-звезде из телика. Позорная хроническая болезнь. Знать, что считает себя лучше, что с другими развлекается. И самое страшное — понимать, что однажды его линия жизни пересечется с линией особенной женщины и в его глазах вспыхнут такие же искры счастья, как сейчас плещутся в глазах Виты.

Просто чувствовать его заботу каждый день. Встречать дома. Моменты, эпизоды. Семья — как мыльный пузырь. Каждую минуту я знаю, что это временно, что я просто оказалась на

той яхте и он женился по залету. То злюсь на него, ненавижу искренне, всем сердцем, всей душой, как было перед родами. То... ошеломительно скучаю.

Ну дура дурой! Деревенская.

Стараюсь быть гордой, независимой. Не какой-то там половой тряпкой, о которую он бы регулярно вытирал ноги, а та и рада, потому что больше ничего не умеет.

Я учусь быть личностью. У меня хороший учитель.

Но внутри — просто ад. Иногда мне кажется, что я люблю мужа до смерти. Просто лежу лицом в подушку и терплю это. Вспоминаю, как любил, как целовал нежно, жарко, как брал в постели. Вспотел тогда — думала, волнуется. Боже! В итоге с его стороны будто и не было ничего, словно он снова оказался под трином. С моей — каждое ощущение в память въелось.

Когда я думаю, что его при нашей близости тошнило, умереть хочется. Я тогда растворяюсь в воздухе, не дышу. А когда эти мысли отбрасываю, лежу и тоскую. Понимая, что тряпка. Та самая, половая. Стыдно до смерти, потому что Максим Одинцов никогда бы по собственной воле не выбрал в жены убожество.

Выключаю воду. Обняв дочку, выпрямляю спину и чинно спускаюсь на первый этаж. Кое-что в новой жизни я усвоила определенно — есть вещи, которые не входят в зону нашей ответственности, и повлиять на них мы не можем. Отвечаем только за свое собственное поведение. Как сказал Аристотель, мы есть то, чем мы заняты.

Поэтому я веду себя как жена депутата, как достойная мать его дочери. Моя совесть чиста кристально, только с такой совестью и можно — выстоять. Именно это — зона моей ответственности.

Максим вешает пальто в шкаф, гладит Луну. Увидев нас, улыбается.

Злит до трясучки.

— А вот он где, папа наш! Вот он приехал! — весело говорю я. Нижняя губа чуть дергается.

Он не замечает.

— Привет! — бросает нам. — Вита, у меня руки холодные. — Быстро растирает, дышит.

Дочка уже тянется, хныкает, плачет. Он берет ее наконец.

— Ага! Говорил же, что холодные.

У Виты такое лицо — просто шок. Детский, искренний, как будто крошку ни за что обидели. От кого от кого, а от отца не ожидала, сладкая, что и правда будет холодно!

Не можем сдержаться и вместе с Максимом хохочем. Ну что за девочка, такая естественная во всех своих реакциях.

Переглядываемся. Делим еще один до боли трепетный момент на двоих. Тот самый, который, может, и забудется, но в сердце останется. У нас их много, таких моментов. Мы делим воспитание дочки поровну.

— Ужин я не готовила, — говорю быстро. — Думала, будешь поздно.

— Моя же очередь купать. Ошибся, Аня?

— Нет, твоя. Но...

— Тогда доставку закажу. — Максим достает мобильный, набирает номер ближайшего ресторана.

Я пытаюсь как-то понять по нему, был с другой или нет. Если признаки нахожу, — аромат духов, например, на одежде, — сторонюсь несколько дней. Невыносимо, грязно. Не только ему от меня тошно, Максим довел это чувство до взаимности.

— Да, здравствуйте, доставку хочу заказать. — Поднимает глаза на меня. — Ты будешь что-нибудь?

Отрицательно качаю головой. Его демонстративная забота обо мне всегда и во всем — действует опустошающе.

Максим перечисляет постоянный набор блюд, добавляет салат с креветками, — это для меня, это я люблю, — благодарит и кладет трубку. Я же зову дочку на руки:

— Вита, иди к маме. Пусть папа спокойно помоется.

— От меня так сильно несет? — спрашивает он с усмешкой. Шутит, наверное.

Пожимаю плечами.

— После твоих политических совещаний лучше освежиться, — расплываюсь в улыбке.

Максим отводит глаза.

Господи. Дай. Сил.

— Окей. Как у тебя день прошел? — спрашивает.

У него хорошее настроение, мои подколы он игнорирует.

Поднимается на второй этаж с дочкой на руках, я следом. Вита по привычке тянется в ванную, но он тормозит, болтая, что сегодня первый. Усаживает Виту на свою кровать, вручает погремушку. Сам достает трико из шкафа, свежую белую майку.

— Мы играли в тряпочки. Представляешь, она уложила машинку спать и накрыла одеялом.

— Да ладно?

— Да! Запомнила, как мы ее укрываем, и догадалась. Тот красный мерс, который ты купил, помнишь? А куклой била по полу.

Максим опускается на колени, облокачивается на кровать и любуется.

— Мой островок адекватности и доброты в этом убогом мире. Подрастешь — куплю тебе такой мерс, тебе пойдет.

А я, значит, езжу на «Киа».

— Марат не обидится? — шучу.

Марат — это его приятель-дилер, у которого сеть автосалонов и который всех друзей пытается усадить на корейцев.

— Придется с ним разругаться, — улыбается Максим, поддерживая легкий тон. — На видео не засняла, Ань? — уточняет с искренней надеждой.

Ему настолько важны все эти моменты, что он действительно смотрит все видео, которые я снимаю за день и отправляю ему.

И я снова сметана. Это какой-то особый вид счастья, когда муж так сильно любит ребенка. В такие минуты я действительно счастлива.

— Не успела, она потом в рот ее. Радость была недолгой.

Вита не перестает улыбаться папе, а я... им обоим.

Максим — мой недосягаемый Дэн Рейнольдс*, который через день приезжает домой пораньше, чтобы искупать дочку. Который ко мне хорошо относится. Действительно хорошо.

И который безропотно идет в душ. А потом, переодевшись в домашнее, набирает с Витой ванну в большом санузле. Я же... прихожу в его ванную, чтобы собрать грязную одежду. Стиркой в семье занимаюсь я. После того как испортила пару его кашемировых свитеров, научилась выбирать нужные режимы на машинке.

Отношу вещи в прачечную. Когда оказываюсь наедине с собой, наклоняюсь и украдкой вдыхаю запах с рубашки. Улавливаю оттенок женских духов, а позже, при сортировке, нахожу длинный темный волос. Вытягиваю, смотрю. Губу кусаю нервно от досады.

Козел. Он даже не старается.

Взяв себя в руки, я поднимаюсь на второй этаж. Сама себе бормочу беззвучно: «Это все в стирку, уберем, смоем. А в домашней одежде он пахнет хорошо, вкусно. Он... полностью наш с дочерью».

Заруливаю на скорости в большую ванную — вдруг что нужно? — и застываю в дверях, растерявшись. Потому что именно в этот момент Максим стягивает майку, эффектно так, через

голову. Будто спецом выпендривается, хотя в мою сторону не смотрит и о моем приближении не знал.

Смотрю на его плечи, на татуировку в виде цыганского колеса.

Тотчас накрывает. Нутро до боли скручивает жуткой, нечеловеческой ревностью.

Я как-то резко краснею, потому что не готова видеть мужа без одежды. Потому что слишком хорошо он выглядит, а еще... потому что его рубашка воняет дорогими духами. Я даже запах этот чертов знаю: подруга рекламировала их прошлым летом, ей бренд надарил пробников, она присылала мне.

Пульс ускоряется до безумия, я как-то сразу обмираю. Максим же, раздетый до пояса, смеется.

— Я научил Виту брызгать из утки, — хвастается мне. — У нас есть здесь взрослое полотенце? Потому что я весь мокрый.

Дочка с остервенением сжимает уже пустую резиновую игрушку и понять не может, куда пропала вода.

— Дам свое, — выпаливаю я и прохожу в ванную.

Тут тепло от пара. Даже жарко. Позади Максим без футболки.

Хочу пояснить: у него дома не принято ходить полураздетым, я ни разу не видела, чтобы он вышел из своей спальни в трусах. Мы живем в соседних комнатах, у каждого своя ванная. У него маленькая, где душевая и тумба. У меня — эта, просторная, светлая.

Господи, кому расскажи — обхохочешься. Год женаты, а шугаюсь вида полуголого мужа.

Открываю шкаф, достаю полотенце и протягиваю Максиму. Наши пальцы касаются, я впиваюсь глазами в его грудь. Опускаю их ниже по плоскому животу, к пупу, вокруг которого широкая дорожка коротких волос. Отворачиваюсь.

Макс тем временем набирает в брызгалку воды, и Вита дает новый залп струей, вновь в него, следом в меня.

Отец тут же дает ей сдачи! То есть брызгает легонько, дочка громко чихает дважды, а потом хохочет! Мы вновь переглядываемся и застываем от умиления.

Сердце разорвано на куски. В груди крошево. Минуту назад я мечтала о разводе и не видеть Максима никогда. Сейчас — люблю всем сердцем.

Звонят в дверь.

— Доставка, наверное. Я приму.

Выхожу из ванной. Шепчу себе: «Тряпка, ничтожество. Он другую только что пялил, а у тебя пальцы горят от желания его потрогать. Да что с тобой происходит! Очнись!»

Никогда. Никогда на свете! Крыша тем временем подъезжает.

Я принимаю пакеты с едой, ставлю на стол. Наверх больше не спешу.

А когда поднимаюсь, Максим уже вытирает дочку большим махровым полотенцем с ушками. Он по-прежнему без майки, и я смотрю только на Виту.

— Там еду привезли, давай дальше я сама, — помогаю ему.

— Ань, — говорит он, — посидишь со мной, пока ем?

Странно. Обычно на этом моменте мы прощаемся до утра.

— Ладно. Уложу только.

Переодеваю малышку в пижаму и, подсушив ей волосы, укладываю спать у себя. Накупавшись, Вита быстро засыпает на груди. Игры с папой ее особенно выматывают, мы то тряпочки перекладываем, то книжки смотрим, а с Максом у нее активити.

Подключив видео-няню, я возвращаюсь в ванную и поправляю волосы. Раньше в цыганских семьях была такая, скажем, традиция... носить на себе все украшения, которые только есть. Потому что, в случае чего, муж может выставить из дома, и в чем ты была, милая, в том и осталась. Иногда, после его «совещаний», я думаю о том, что Максим может выставить меня в любой момент. Порвать со мной в один день, как в свое время сделал с Олесей.

Спускаюсь на первый этаж.

Сидит на диване, тянет виски и гладит Луну. Усмехаюсь. Да по фигу. Что может быть хуже пережитого мной пару минут назад?

Открываю холодильник, достаю бутылку красного вина, бокал из шкафа. Ставлю на стол.

— Ты выпиваешь? — Муж выгибает бровь. С претензией спрашивает.

— Иногда. Когда ты задерживаешься. — И поправляюсь: — Страшно мне одной в этом доме. Так сказать, пятьдесят грамм для смелости. Доктор разрешил. Поможешь?

Он подходит и берет из моих рук бутылку.

*Дэн Рейнольдс — солист группы Imagine Dragons и абсолютный краш)

Глава 5

— О чем ты хотел поговорить?

Я принимаю бокал из его рук и прохожу к барной стойке, усаживаюсь на стул. Позу принимаю эффектную. Не сижу как забитая мышь, опустив плечи и глаза в пол. При Максиме я стараюсь быть звездой больше, чем на работе.

Глупо? Наверное. Он видел меня разной, знает как облупленную, он был у меня дома, в деревне, и оценил диван, на котором я спала с детства.

Даже в родах Максим Одинцов меня видел. А еще во время бессонных ночей, с раздутой молоком грудью, с черными мешками под глазами и паникой, что наша малышка не наедается. Он — мой муж, и мы вместе идем по жизни.

Единственное, я слежу за тем, чтобы при нем всегда ходить в длинных юбках или широких штанах. Такая форма одежды — правило его семьи. Он любит, когда именно это правило нарушают, я помню, как одевалась его бывшая. Но сама этого правила придерживаюсь особенно рьяно.

Максим наливает себе еще.

— Я возьму Кирилла на работу, — говорит будто между прочим. — Если он захочет повышение в будущем, то пусть поступает на вышку заочно. Отпуск на сессии я устрою. Повкалывать несколько лет придется, это правда. — Цокает языком. — Любой самый никчемный диплом самой убогой шарашки подойдет.

Сжимаю зубы и опускаю глаза на секунду, обдумывая.

— А что в салоне? Не справился?

Максим устраивал Кирю к Марату младшим менеджером.

Пауза в секунду выводит из себя! Он всегда так делает, привык, чтобы внимательно слушали.

— Кирилл пытался замутить схему и украсть тюнинга на пять тысяч. Не постарался, вышла халтура, Марат заметил.

— Блин. Придурок. Он не признается, Макс. Мама ни мне, ни тебе не поверит.

— Это неважно. — Максим делает глоток и вновь устраивается на диване. — Обвинять его никто, разумеется, не станет, сумму нам Марат уж простит. Кирилл умный, талантливый парень, но жадный, иногда эта жадность толкает его на глупости. Поэтому я возьму его к себе. От греха подальше.

Чтобы мой брат больше ни перед кем не позорил господина депутата.

— Прости.

Он отмахивается.

— У меня украдет — получит по морде.

— Мама этого не переживет.

— Придется ей потерпеть. Иногда парню полезно огрести, мозг на место встает.

— Хорошо, что у нас дочка, — парирую.

Макс улыбается.

Делаю большой глоток. Терпкий вкус на языке, тепло в пищеводе. Градус нервозности снижается как-то резко, а вот уровень наглости, напротив, растет к небу. Я усаживаюсь удобнее, вальяжнее, но при этом так, что, если кто щелкнет камерой — можно и на обложку. Столько билась над позами, что теперь принимаю их автоматически.

— После того как у нас появилась Вита, желание воспитывать мужиков обострилось стократно, — продолжает тему Максим.

Смеюсь. Это мило. Он может быть милым, когда старается.

Один-два-три. Поднимаю глаза и смотрю на него пару секунд.

Максим крутит в руках стакан, рассматривает напиток. Пользуюсь этим и разглядываю его.

— Это все? — спрашиваю, отпивая. Как вино закончится, пойду спать.

Он закидывает ногу на ногу, голову запрокидывает на спинку дивана и, закрыв глаза, расслабляется.

Из-под рукава футболки виднеется татуировка. Максим больше не носит плетеные браслеты. Из украшений только простое кольцо на пальце.

Интересно, как бы он отреагировал, подойди я и заберись на колени? Сейчас!

Будь в бокале не вино, а трин. Оседлала бы, в спине прогнулась. Стянула топ через голову, оголив потяжелевшую грудь. Волосы бы разметались по плечам, сердце на волю выскочило!

Воображаю, загораюсь!.. Хмыкаю.

Фантазии такого плана преследуют все чаще, в интернете написано, что организм после родов просыпается постепенно. Пока либидо валялось в коме, терпеть этот брак было проще.

Максим громко вздыхает, садится ровнее.

— Дальше. Твоя подруга Диана. Я не хочу, чтобы она бывала у нас дома. И чтобы вы общались.

Еще один укол. Опять неожиданно, больно. Снова я накосячила.

— Какие еще будут указания, господин Одинцов? — уточняю сдержанно, в его манере.

Прищуривается. Голову набок склоняет, точно зверь на охоте. Недоволен? Я прячусь за вином и делаю глоток. Осталось не больше пары в бокале.

Алкоголь в крови, он голову кружит. Я редко пью, мне мало надо. Вонючие рубашки Максима стираются в подвале, своим замужеством в данный момент я сыта по горло.

Максим вдруг смягчается. Усмехается и качает головой, забавляют его мои попытки уколоть.

— Какие будут, Аня, такие и выполнишь, — говорит он весело. — Да же?

Накатывает. Ослепляет. На части рвет от потребности вывести его на эмоции. Чтоб психовал, орал, как зверь бешеный! Мебель крушил! Показал как-то, что не всё у него под контролем! Что злится, что в душе больно!

Была бы рана, я бы обняла, залюбила, занежила. Но нет у него ни ран, ни слабых мест, кроме Виты. Непробиваемый. А манипулировать дочерью я не буду точно.

Остается вино пить.

— Слушаюсь! — Спрыгиваю с высокого стула, решив закончить семейный вечер.

— Стоять.

Застываю. Смотрю.

Максим медленно, будто недовольно меня осматривает. С головы, гад, до кончиков пальцев, спрятанных под носками. Костюм мой не нравится? С каким пор ему не плевать, в чем я по дому хожу?

— Не спросишь почему?

— Я так понимаю, твои помощники нарыли на нее какую-то информацию, способную тебя скомпрометировать. Я ведь под прицелом, все мои связи проверяются.

Он одобрительно кивает:

— Ни убавить, ни прибавить. — Берет телефон, смотрит на экран.

Внезапно нашлись вещи поважнее разговора с женой? Я вдруг думаю о том, что это та женщина, которая на фотографиях. С которой он провел час времени после работы. Пишет ему. Фотки шлет?

— Твой салат в холодильнике, если передумаешь, — произносит Максим как всегда спокойно, буднично.

Я допиваю вино, беру бутылку и наливаю себе еще. Он поднимает глаза.

Дай мне сил не начать ругаться! Я знаю, как ссорятся мои родители, я росла на этом, видела, впитывала. Пыталась так же — высказывать, орать, выплескивать. А он просто ушел. Бросил меня одну перед родами.

Помню прекрасно это ощущение ошеломительное, когда высказала, выдохлась, поделилась болью. Я ждала ответку, а ее не было. Последнее слово за мной осталось, победа на языке горчила. Сама же потом позвала обратно.

Дыхание учащается. Я делаю вид, что пью еще. Максим встает, подходит.

— Что случилось? — В упор смотрит.

Теперь уж точно — или в пол, или в сторону.

— А ты как думаешь?

— Если для тебя важна Диана, попроси, я с ней поговорю.

— Не надо никого спасать ради меня, чтобы потом я слушала, кто, как и сколько у тебя ворует! И о твоих планах наподдавать моему родному брату. Я не просила устраивать Кире жизнь, ты сам проявил инициативу. Хочешь быть для всех хорошим — пожинай плоды. И самое главное...

Он берет меня за локоть, чуть сжимает. Бокал повисает в воздухе, я больше не хочу пить, но ему назло осушила бы до дна.

— Пусти меня, пожалуйста.

— Если у тебя есть претензии, поясни.

— Есть совет: Максим, последи за собой, пожалуйста. Ты опять палишься.

Отдаю ему бокал, сама беру мобильник со стола, нахожу то письмо и показываю.

Макс смотрит на экран, а потом напрягается. Да так сильно, что я от обиды едва не вою.

Хотела вывести его на эмоции — получай. Не из-за тебя. Не из-за тебя только!

Он выхватывает телефон из моих рук. Водит пальцами по экрану, пожирая глазами фоточки.

— Они сегодня пришли?

Максим пересылает письмо себе. Вбивает адрес отправителя в поиск — видит еще два письма. Снова отправляет себе. Следом листает все мои письма, а там есть от Жана Рибу. Я вспыхиваю! Допрыгалась! Нужно отвлечь, не позволить!

Хочу выхватить мобильник, да куда там! Он руку вверх поднимает, словно я ребенок, и отворачивается.

— Отдай! Отдай телефон немедленно! — психую.

— Напиши мне пароль от своего ящика сейчас же.

— Да пошел ты!

Оборачивается. В глазах сталь.

— Почему ты немедленно мне не сообщила о том, что тебе такие фотки шлют? Ты понимаешь, что это компромат?

— А может, просто не надо трахать всех подряд, и не будет компромата?

Наши глаза встречаются, напряжение вечера достигает максимума. Злость, обида, ревность — я все в этот взгляд вкладываю. Были бы мы магнитами — отлетели бы друг от друга на сто километров.

«Я хочу развод», — на языке болтается. Горчит, зреет.

А потом происходит то, чего я боюсь все эти месяцы, — Макс меня подавляет. Размазывает морально.

Ком застревает в горле, опускаю глаза и отворачиваюсь. Сколько я боролась? Секунды четыре? Рекорд поставила.

Голос его, впрочем, смягчается:

— Аня, эта женщина мне, разумеется, не любовница. Ты ведь понимаешь это?

— Мы договорились, что создаем видимость счастливого брака, пока не подрастет Вита. Мы договорились, что будем друг о друге заботиться!

— Это с работой связано.

— Она твоя избирательница? — смеюсь.

Максим разводит руками, дескать, так и есть.

Козлина.

— Ты только что сказал, что это компромат.

— Блядь, — ругается он сквозь зубы, но не на меня. Себе под нос. В бешенстве Максим Станиславович наконец-то! — Аня, малыш...

Этот сраный «малыш» — капля последняя. Я немедленно выплескиваю вино ему в лицо. Максим столбенеет.

— Я тебя просила не называть меня так, — выпаливаю.

Напрягаюсь. Жду сдачи.

Он встряхивает головой, но мобильник мой, прокрутив в руке, возвращает. Медленно идет к столу, отматывает бумажное полотенце. Не оборачивается. Не смотрит на меня. И снова все не так!

Папа бы или упал пьяным, или так и спал облитым на полу. Или бы бил кулаками по столу и кричал, что никому не позволит так с ним поступать. Мама бы тут же кинулась стирать ему кофту.

Максим не делает ни первого, ни второго. И я снова в панике. Как быть? Я не понимаю! Я не умею с ним ругаться!

— Извини, — шепчу в ужасе.

— Это ты извини, — отвечает он опять ровно. По-прежнему не оборачивается. Вытирается. Майку больше не снимает. — Такие письма — дерьмо. Я разберусь, кто тебе их шлет. Это очень важно для меня. Пожалуйста, если такие письма будут еще приходить, сразу присылай мне. Мы с тобой в одной команде. И Аня. У меня нет любовницы.

Пялюсь ему между лопаток. Так верить хочется! Наивно, по-детски!

— Хорошо. Я подумала, что нас снова пытаются поссорить и что это неважно. Я, конечно, не поехала бы тебя выслеживать и застукивать. Я не буду давать тебе свой пароль, но обещаю пересылать сразу же. Клянусь, Максим.

— Хорошо.

После ссоры с ним — опустошение.

— Я могу идти спать?

Он делает движение, будто обернуться хочет, но останавливается.

— Иди, конечно. Спокойно ночи.

— Правда. Я просто не подумала, что это... важно. Я бы никогда не стала играть против тебя или что-то в этом роде.

Он мешкает, но затем смягчается. Вздыхает.

— Спасибо, я тебе доверяю.

Беру бокал со стола, ставлю в мойку. И поднимаюсь по лестнице.

***

Следующим утром мы с Витой долго валяемся в кровати. Максим часто готовит кофе для нас с ним, это... в некотором смысле традиция, и я люблю спуститься рано утром в кухню, с дочкой или одна, если Вита спит, чтобы составить мужу молчаливую компанию за завтраком. Обменяться планами на день.

Но сегодня я так не делаю. Не хочу его видеть, не могу. Когда Пупыш говорил, что быть женой депутата — труд, я не ожидала, что сюда входит еще и покрывать его интрижки. Следить, чтобы муженька не застукали.

Смотрю в мобильник — там миллион сообщений. Мама звонила, Кирилл... Это, наверное, из-за работы. Куча лайков из семейного чата Одинцовых — все без ума от новых фотографий Виточки. Бабушка с дедушкой и Ба-Ружа ждут в гости. Папуша приглашает пообедать в городе... Листаю почту и среди спама нахожу то самое письмо, особенное.

Открываю с волнением и трепетом.

Оно от Жана Рибу. Человека, который все еще в меня верит и ради которого я учу французский, потому что английский для него слишком провинциален, а русский — сложен.

«Бриллиантовая Аня Февраль! — пишет Жан. Эта часть понятна и без переводчика. — Вчера я был у своего друга Кристофа. Ты знаешь Кристофа, не буду унижать нас троих и писать его фамилию. Кристоф готовит новую линейку ароматов и показал мне, пока первому (!), главный бриллиант будущей коллекции. Знаешь, что я ему сказал? Предложил назвать его бриллиант в честь моего. Но надо тебя посмотреть. Я полностью освободил третью неделю января, и, если ты прилетишь, мы можем сделать пробные фотографии. С 23 января начинается Неделя моды, нам нужно успеть до. И кстати, я сделаю тебе приглашение. С любовью, Жан».

Голова кружится. Три месяца. Я ответила, что мне нужно согласовать с мужем.

Всего три месяца до работы мечты, до нового шанса. Когда перечитываю письмо, взлетаю в небо от счастья. Это так сильно отличается от того, в чем я варюсь последние месяцы. Это другая реальность.

Смотрю на дочку, которая сосет краешек тканевой книги, и улыбаюсь.

— Вита! В честь нас хотят назвать духи, представляешь! Женщины всего мира будут душиться Аней Февраль. Как тебе?

Мурашки по коже.

— Отомстим твоему папе? Пусть чувствует мой запах в толпе. Везде и всюду.

Осталось только утрясти один момент: уговорить Максима отпустить нас с Витой в небольшой отпуск.

Глава 6

— Максим долго еще будет в спортзале? — спрашивает Папуша, отправляя в рот кусочек пышного бисквита. — Хочу повидать, наконец, братишку.

Чуть не давлюсь на этом ее «братишке».

— Понятия не имею. Что-то случилось или ты так?

— Соскучилась, — улыбается она. — Что ты хихикаешь, может, и правда!

— Да верю, верю. Мы сегодня к вам на ужин приедем, повидаетесь.

— Мне бы успеть до. — Папуша немного хмурится.

Совсем мимолетно, и если бы я не успела так хорошо изучить темпераментную золовку, то даже не обратила бы внимания.

Мы завтракаем на кухне. Летом такую традицию выдумали, сразу после рождения Виты. Каждую субботу в шесть утра Папуша как штык появлялась на пороге нашего дома и брала дочку, Максим уезжал в спортзал, и я спала часов до девяти. Это были блаженные три часа, самые долгожданные!

Папуша всегда привозила какую-нибудь запеканку или другую вкусную еду, и после моего пробуждения мы завтракали на террасе, любовались цветами в саду, обсуждали планы. Зачастую к завтраку приезжали свекры, Ба-Ружа и даже Эля.

Сейчас сидеть на террасе слишком холодно, да и с Витой стало попроще, но мой законный отсыпон по субботам сохранился. К тому же Папуша просто обожает племянницу! К сожалению, бог не дал ей детей, после десяти лет бесплодия они с мужем развелись. Как-то раз, выпив вина, Папуша сказала, что ее прокляла семья за побег из табора. Прокляла пятилетнюю девочку без шанса на прощение. Бездетная она теперь на веки вечные. Муж ее давно женился на другой, у него трое, а она одна осталась. Но это ничего, ей нравится быть просто тетушкой Виты. А может, мы подарим ей еще племянницу или племянника?

Я тогда еще беременной ходила, и долго уснуть не могла после откровенного разговора. Плакала от несправедливости. В проклятия не верю, да и Папуша, хоть и болтает о колдовстве как о чем-то естественном, далеко не дура — она и лечилась, и ЭКО делала. Не сложилось. Вот как в жизни бывает, я мечтала о карьере — и мамой стала. А Папуша всю жизнь стремилась к большой семье — и ждет субботы, чтобы понянчиться.

— Нравится браслетик, шей? Подрастешь, научу плести такие и еще лучше, — воркует Папуша с Витой, та слюнявит подарок ручной работы. — Это браслет на удачу и крепкое здоровье.

— Еще и красивый, — говорю я искренне. — У Максима, кстати, был похожий, когда мы познакомились. Он случайно порвался, я нашла... Хотела ему отдать, но потеряла.

Папуша снова хмурится, в такие моменты она выглядит очень взрослой, и я вспоминаю, что сестра Максима старше почти в два раза.

— Не ты ли ему плела? — переспрашиваю.

Она закатывает глаза, и наступает моя очередь обеспокоенно нахмуриться. Но тон поддерживаю беззаботный:

— Только не говори, что он сам!

— Не сам, конечно. — Папуша ругается на цыганском, зло, обидно. Потом берет себя в руки и улыбается: — Неважно. Мне уже ехать скоро, ну где Макс! Напишу. — Она достает мобильник.

— Расскажешь, может? Это был подарок одной из бывших Максима?

— Да, одной из бывших.

Видимо, цыганки. Интересно.

От скуки я открываю сообщение от Жана Рибу. Новое. Перечитываю. Он сообщил утром, что меня ждет сюрприз. Вот-вот должны опубликовать в модном французском журнале мои фотографии, которые мы сделали еще весной. Никому не известная русская модель... тут пятьдесят на пятьдесят, но хочется надеяться, что авторитет Жана сыграет роль, и меня и мое интервью опубликуют на какой-нибудь предпоследней странице в крошечной колонке. Это будет шикарный вклад в портфолио.

— Молчит, зараза, — психует Папуша. — Мне надо насчет Эли с ним поговорить. Во сколько он утром уехал? В пять?

Пожимаю плечами и говорю уклончиво:

— Не помню, мы спали.

— Аня... — Папуша прерывается на то, чтобы зацеловать и развеселить Виту, потом продолжает: — Аня, Максим не ночевал дома?

— Вчера вечеринка была у его друга, Георгия Басова. — Это правда, я видела в соцсети фотографии. — Макс выпил и решил остаться в московской квартире.

— Продать вам ее надо. Нехорошо, что у женатого мужика есть пустая квартира.

Я быстро опускаю глаза, и Папуша, занервничав, тараторит:

— Дома потому что надо ночевать! Блин, прости, я расстроила тебя?

— Да ничего. Я не расстроилась.

Она смотрит внимательно:

— А ты почему не поехала?

— Так у меня Вита.

— Написала бы мне, я бы посидела.

Да потому что меня никто не звал, потому и не поехала! Не вписалась в круг Одинцова официантка с мальчишника. Вслух же чинно отвечаю:

— Спасибо, Папуш, может, позже. Вита пока засыпает только со мной, я издергалась бы на этом празднике. Лишние нервы. Максим выспится, сходит в зал и приедет, куда денется? Я ему скажу, что ты хотела поговорить об Эле.

В этот момент мы обе слышим, как открываются ворота. Максим приехал.

Привычное напряжение сковывает тело. Когда он написал вчера, что остается в городе, я тут же полезла по страницам его знакомых. Увидела фотки с праздника и все поняла. Но ссориться не стала.

Они меня не приняли. Может, выбрали сторону Олеси, а может, просто не понравилась. Кстати, была ли на том празднике Олеся? Наверное, да...

Настроение портится. Я смотрю на тарелку, остатки омлета доесть бы, но аппетит пропал. Ревность — блюдо, которое дарит абсолютную сытость.

Папуша тем временем отпускает Виту, и дочка, уже сообразив, что скоро придет папа, летит на четвереньках встречать. Кошка соскакивает с подоконника и несется следом, аж заносит ее на повороте. Папуша с громким смехом замыкает троицу!

Я улыбаюсь до ушей!

Добравшись до шкафа, Вита хватается за дверцу и деловито приподнимается на коленях. Вот-вот встанет она у нас. Луна присаживается рядом.

Хлопает дверь. Максима я не вижу, но слышу голос:

— Привет! О, как вас много.

Голос звучит приветливо, однако сразу понимаю: что-то не то. Не в духе. Брак фиктивный, а мужа я выучила, словно он мой.

Макс бросает пару слов сестре, подхватывает Виту на руки, гладит быстро кошку.

Прошлым утром мы немного повздорили. Он был в хорошем настроении, я приготовила тосты с авокадо, сыром и соленой рыбой. Максим сварил кофе. Мы отошли после ссоры с

вином, он всю неделю приезжал домой вовремя. И я закинула удочку, спросив про Неделю моды в Париже. Макс ответил, что отпуска у него в это время не будет и что дочку он со мной не отпустит точно.

«Как же я ее оставлю, если она грудная?» — уточнила я.

Он ответил: «Полагаю, никак».

— Папуша, возьми Виту и сходите наверх, поиграйте, пожалуйста. — Слова вежливые. Сухие.

— Нам нужно поговорить об Эле...

— Мама позвала на ужин, там обсудим Элю, — перебивает Максим по-доброму. — Сестра, выполни мою просьбу.

— Очевидно, что я хочу поговорить с тобой до ужина!

— Папуша, потом, — чуть нажимает он. — Дай мне поговорить с женой без свидетелей.

Я как-то сразу подбираюсь, размышляя, о ком пойдет речь. Опять Кирилл натворил дел?

Принимаю милый вид, будто Макс не перечеркнул вчера в очередной раз мою мечту и не веселился с друзьями, пока я с дочкой дома.

— Ты капец каким невозможным стал! Ману, даже папа таким никогда не был! Ну что ты за человек-то такой! — бурчит Папуша, наступая ему на пятки. — Не трогай жену, всю ночь где-то шлялся, явился с перегаром и претензией! Я тебе не позволю!

Максим же быстрым шагом вторгается в кухню. Сразу ко мне направляется, да так решительно, что я напрягаюсь всем телом, словно он мне физически что-то хочет сделать.

— Как спалось, милый? — невинно улыбаюсь.

Он абсолютно трезвый, в глазах ни намека на похмелье.

— Будешь завтракать? — Ни дать ни взять идеальная цыганская жена.

— Тебе пиздец, — отвечает он беззвучно. Чтобы дочь не разобрала.

Но по губам я считываю угрозу прекрасно. Волосы встают дыбом, такого еще не было.

В одной руке Макс держит Виту. В другой — книжку... Нет, это журнал. Он размахивается, я зажмуриваюсь... Журнал летит... нет, не мне в лицо. Падает на стол перед моим носом.

Медленно открываю глаза и смотрю на обложку. Пульс моментально разгоняется. Щеки печет жар. Поднимаю глаза на мужа — он непроницаем, лишь бледен. Я вновь смотрю на обложку.

Вита что-то болтает на своем, привлекая внимание отца.

Жан Рибу говорил, что устроит мне колонку. Что подсунет мои фотографии главреду.

На обложке написано: «Мне только восемнадцать, и я буду мамой! Русский бриллиант Аня Февраль о своем выборе».

А еще на ней я. На седьмом месяце беременности. И, если не считать пары прозрачных тряпочек — абсолютно голая.

Глава 7

— Если ты не прекратишь терроризировать жену, достойную мать твоей дочери, я... — Папуша замолкает на полуслове.

Мы втроем смотрим на журнал, после чего золовка забирает Виту и, склонив голову, послушно поднимается на второй этаж. Дочка хнычет, тянется к Максу, но Папуша непреклонна. Мое сердце разрывается за дочь, не выношу, когда она плачет, для меня это убийственно. Даже если я уверена, что у нее ничего не болит и это каприз.

Перевожу взгляд на обложку.

Вспышки перед глазами. Неужели это правда? Вижу себя и забываю дышать, в ушах гул. Пульс частит, аж пальцы покалывает. Если можно испытать сексуальное возбуждение от успеха, то это — оно самое. Жгучее, ошеломляющее. Незабываемое.

Вцепляюсь в журнал мертвой хваткой. Максим говорит что-то, а я вскакиваю на ноги и начинаю метаться по кухне. Открываю, листаю, жадно ищу свою статью. Вот она! Интервью, которое я дала помощнице Жана, на целую страницу! Оно на французском, ничего непонятно. А еще там фотографии! Эффектные, цепляющие. Еще более откровенные, нежели на обложке.

Помню, как застеснялась раздеваться при всем честном народе, но Жан объяснил, что только так мы зацепим аудиторию и что нужно быть смелой. Он прилетел ради меня и попросил довериться. Все три дня мы плотно работали в студии.

Жан не мог ждать и занимался ретушью прямо в самолете, через пару дней уже выслал несколько фотографий. Получила я их в ресторане, во время ужина с Максимом. Мы отмечали какой-то его успех на работе, Макс рассказывал, я делала вид, что понимаю.

Мы смеялись, когда позвонил курьер.

Максим тогда искренне удивился, а я решила, что он подшучивает надо мной. Сам организовал подарок и притворяется, будто не в курсе, что происходит. Он часто что-то дарил просто так, без повода. У меня... ничего же не было, угодить было несложно.

Когда в зал зашел курьер с букетом, Максим оперся на локти и посмотрел на меня внимательно. Взгляд его поменялся. Глаза цвета мокрой земли приобрели графитовый оттенок, их будто пеплом присыпали. А может, так показалось в необычном освещении?

Я пожала плечами и улыбнулась.

Это был очень хороший ресторан, из тех, где меню девушкам приносят без ценников. Максим любил водить меня по таким заведениям, потому что съесть салат за две тысячи рублей я не могла физически, а ему непременно хотелось приучить меня к дорогой кухне.

Официант тут же откуда-то взялся с вазой. Букет был роскошным, он благоухал на нашем столе, пока я вскрывала конверт. Все еще без задней мысли это делала, приговаривала: «Что бы это могло быть?» На сто процентов была уверена, что Максим вновь решил порадовать.

Жан любит делать сюрпризы, это я поняла в тот вечер.

Максим молча следил за моими движениями. В конверте была записка: «Бриллиант». И подпись Рибу. А еще десяток фотографий.

Макс склонил голову набок, чуть сжал губы и хищно улыбнулся:

— Кто это, Ань?

Я догадалась, что он в шоке. Настолько глубоком, что даже не может сразу выбрать модель поведения.

— Это не поклонник, — тут же успокоила.

У нас были фиктивные отношения, которые мы поддерживали, помогая друг другу. Получить цветы от ухажера при муже — это было бы слишком. Демонстрация пренебрежения, вызов или что-то в этом роде.

Ревности Максим ко мне, конечно, не испытывал, с этим я успела смириться. Но при этом его эго такое бы не стерпело. Ладно бы дома, но публично...

— А кто? — уточнил он.

Голос прозвучал невинно, но я уже успела узнать мужа достаточно, чтобы улавливать перемены в настроении. Какие угодно он мог испытывать эмоции, но точно не невинные. Никогда.

Вскрыла очередной конверт, а там фотографии. Я застыла, чуть не расплакалась. Они были хороши настолько, насколько не вписывались в картину мира Максима.

Конечно, я не осмелилась сказать Жану, что муж не знает о моей фотосессии. Он прислал без задней мысли.

— Это от Рибу, Макс. Помнишь, он приезжал на той неделе? Потом рассмотрю, давай продолжим ужин. — Я попыталась убрать конверт в сумку, но Максим нетерпеливо потянулся.

Его лицо нужно было видеть. Он действительно побледнел как мел, когда увидел мои яркие соски. Кажется, в жизни они темнее. Подкрасили?

Ком застыл в горле. Почему-то стало неловко. Тело загорелось, пульс забился. При муже раздеться... это не то же самое, что перед фотографами. Совсем-совсем другое.

Максим вежливо попросил себе всю пачку. Десять фотографий размером пятнадцать на двадцать, рассмотреть можно было каждую деталь. На второй фотографии в его лицо словно плеснули краской, он пошел пятнами. Я наблюдала процесс воочию и бледнела, чтобы, наверное, соблюсти какой-то баланс.

Цветы в вазе пахли безумно. Именно в этот момент позвонил Жан. На ломаном англо-французском с добавлением русских эпитетов я поблагодарила от души. Сердце колотилось все быстрее.

Максим листал фото молча. Сперва быстро проглядел, нервно, истерично. Затем принялся рассматривать неспешно. Предельно внимательно. Неловкость достигла пика, сидеть напротив него стало невозможно.

— Все в порядке, Макс? — спросила я. — Ты что-то побледнел. Если тебе дурно, давай попросим воды... или, может, выйдем на воздух?

Он достал сигарету и зажал между зубами. Тут же подошел официант. Максим, словно опомнившись, заверил, что курить не будет, но попросил виски. Выпил порцию, дал знак повторить.

Тут уж я совсем занервничала, попросила вернуть фотографии. Он отказался.

— Я пока не всё рассмотрел, — сказал мне. — Есть еще?

— Что?

— Тут пизда не попала в кадр. Может, на других видно лучше?

Похолодела я тогда вся, словно на мороз выгнали. До костей пробрали тон и взгляд.

— Такого нет точно.

Макс стиснул зубы, отчего скулы проступили четче, а лицо будто заострилось.

— Не надо меня рассматривать, — строго произнесла я. — Перестань. Ты это делаешь так, что мне неловко.

— Почему? Ты ведь сама разделась перед камерой. Или тебя заставили? Угрожали, давили? — Он поднял глаза.

Графит стал искрить: под слоем золы разгорался дикий цыганский темперамент.

В этот момент я поняла, что, если обвиню Жана, фотографу конец. Не знала как. Не представляла, каким образом, но это случилось бы.

— Это просто работа, Максим. Я ведь модель, а Жан Рибу знает толк в искусстве. Если хочешь, объясню тебе разницу между порно и...

Он вздохнул, и я замолчала. Как раз принесли еще виски, он выпил. Я сделала глоток воды с лимоном.

Стало душно! Максим не просто мужик из двадцать первого века, он даже не деревенский гопник из Упоровки, где свои законы и правила. Много хуже! Для него тело женщины — это нечто особенное, и нужно заслужить, чтобы его увидеть. Он никого открыто не осуждает, но женщины в его семье запакованы в платья до пола. Я погладила живот, дочка потягивалась в ожидании десерта.

— Слушай, — начала выкручиваться, потому что Максим продолжал наслаждаться фотографиями, а мне словно кислород перекрыли. — Это просто пробники. Ничего страшного.

— У кого права на эти фотографии, Ань? Честно признаюсь, меня будто лопатой по лбу огрели. Для меня это слишком.

— У меня, — соврала, не думая.

Как тут правду сказать, когда перед тобой злой как черт мужик сидит и тебе с ним еще домой ехать?

Жан повторял, что будет обложка. Было понятно, что он так поддерживает, но надежда на колонку теплилась, и, конечно, я подписала все бумаги, не читая. Рибу приехал ради этой фотосессии из Парижа, работал со мной три дня. Отказать ему — перечеркнуть свое будущее.

Максим попросил счет, хотя мы планировали взять десерт.

А когда выходили из ресторана, он выбросил цветы в урну. Не спрашивая разрешения.

Этот жест выглядел настолько по-хамски, что я оторопела. В машине вырвала у него фотографии, спрятала в сумку. За рулем был Семён, мы ехали молча. Всю дорогу я копила обиду — Макс не имел права выбрасывать мои цветы! Это моя карьера, мое будущее. Он отреагировал так, будто я сделала что-то недопустимое!

Дома разругались в пух и прах. Да, у нас фиктивные отношения, но если я терпела его интрижку, то он должен был терпеть мои съемки!

— Какая работа?! Ты, мать твою, голая! — психовал Максим. — Толпа мужиков смотрела на тебя голую. Бля-я-ядь. — Он потер лицо. — Аня! Я, как лошара, оплатил студию, чтобы какие-то ублюдки пялились на мою беременную женщину!

— Да боже! Ты образованный человек, неужели не в состоянии увидеть разницу между порно и искусством? Максим! Да им без разницы, в чем я! Все вели себя безукоризненно, никто ко мне не приставал.

— Еще бы они к тебе приставали в МОЕМ городе!

— Это ис-кус-ство, — прокричала по слогам.

— А можно заниматься искусством так, чтобы толпа мужиков не ретушировала твои соски и зад? Блядь. Аня!

— Ты больной? Господи! Ты больной псих! Ты хуже моего брата даже, который из глухой деревни! Я в шоке просто, не ожидала!

В этот момент Максиму позвонила София, он буркнул, что освободится через пару часов. Тихо буркнул, но я услышала. И это стало последней каплей.

— Езжай сейчас! — завопила я что было духу. — Зачем два часа ждать? И вещи свои прихвати! Обрадуй Софию! Езжай к своей шлюхе, которая не работает моделью, но зато женатому мужику все показывает и не только показывает! Скажешь, что нету у тебя с ней ничего? С блондинкой этой! Не хочу тебя видеть! — Слезы душили, но я держала их намертво. — Никогда больше!

Я кричала на мужа и топала ногами, понимая, что не могу пережить его неодобрение по поводу фотосессии. Он был для меня всем, он был моей стеной, моей опорой, он был тем, кто всегда выбирал мою сторону. Пусть не любил, но берег! Его раздражение и гнев — катком размазали. Единственное, чего хотелось, — это вычеркнуть Максима из жизни и никогда больше не видеть. Немедленно сделать это! Я кричала, что он мне жизнь сломал. Лучше бы я

его не встречала! Никогда не встречала! Лучше бы не было этого ребенка и ничего не было! Так сильно в тот момент я его ненавидела.

Слова висели в воздухе пылью, которая не давала вздохнуть как следует. Я плюхнулась в кресло. Макс собрал небольшую сумку и действительно ушел.

Хлопнула дверь.

Мы тогда еще в московской квартире жили, и я понятия не имела, куда он двинулся. Всю ночь ждала, тревожилась, он впервые не пришел ночевать. Я на диване ему как всегда постелила, тот остался нетронутым.

Утром убрала постель, но собрала вещи Максима. Приготовила чемоданы в прихожей.

Потом переосмыслила случившееся. Как-то простила его, что ли.

Разложила одежду по шкафам обратно, рубашки, что помялись, — погладила. Села ждать.

Но Максим не приехал.

На следующий день я осторожно узнала у Папуши, что он не ночевал у родителей. В тот момент поняла, что когда выгоняешь мужчину из дома к шлюхам, он к ним и едет.

Урок был настолько страшным, что только ребенок в животе и помог пережить. Отвлечься.

К шлюхам поехал... Это я в мыслях ту девушку так называла. Сама-то знала, что у него вполне себе интрижка, какие-то отношения с одной и той же. Максим меня с ней, конечно, не знакомил, но иногда они при мне созванивались, обсуждали нейтральные темы.

Я сразу поняла, что он с ней спит. Щелкнуло в голове. С другими женщинами так не было. Наверное, жены, пусть даже навязанные, чувствуют кожей подобное. Макс не ночевал у нее, не приводил в дом, не упоминал в разговорах. Я просто знала, что она есть и что у нее есть несколько часов в неделю с ним.

Ревновала. Потому что, несмотря на фиктивность отношений, я хотела его себе полностью. Однажды, не выдержав, осторожно поделилась с мамой, как мучаюсь, та ответила, что невозможно по голосу понять, любовница София или нет. Глупости. И вообще, лучше не лезть в это, счастливее буду. Но как не лезть-то? Как?!

Я не могла услышать слова той девушки, но в интонациях распознала те самые щенячьи нотки, которые появляются у меня самой рядом с Максимом. И возненавидела ее мгновенно.

Потом пришел страх, что он с ней останется. Влюбится. Выборы позади, кресло из-за такого пустяка он не потеряет. Развод и алименты — самый удобный для него путь. Я подумала о том, что останусь одна. Вообще одна. Что понятия не имею, как быть с ребенком. Что морально совершенно не готова к тому, чтобы другие мужчины разглядывали мои соски — жадно, алчно, как это делал муж.

Я испытала ужас при мысли, что придется жить без Максима. Я так сильно привыкла к нему за эти месяцы, — к нашим разговорам по душам, к его шуткам, к его легким улыбкам, когда я радовалась подаркам или узнавала что-то новое, — что, вмиг потеряв... чуть не погибла.

Я осталась одна. Снова одна в столице и в мире. Мы не были любовниками, не были мужем и женой в общепринятом понимании, но мы... наверное, были командой. Иногда вечерами смотрели его любимые фильмы, которые поначалу казались скучными, но Максим рассказывал предысторию, биографию режиссера или актеров, и сразу становилось интересно. Дочка крутилась, он поглаживал мой живот, ловя ее пиночки, я ела мороженое, вдыхала запах мужа, впитывала тепло тела и чувствовала безопасность. Смеялась над черными шутками и комментариями, умирала от счастья, когда он улыбался, чувствуя Виту. Тогда мурашки бежали по коже. Я думала о том, что ни одна женщина не дарила ему таких эмоций. Что мы связаны навеки.

Мы были чужими людьми, но это был наш первый общий ребенок. Максим заботился обо мне, а я за это позволяла ему быть к дочке так близко, как он хочет.

Старалась относиться к нему как к старшему брату. Изо всех сил старалась... Вот только силы духа не хватало. Лишь одна мысль, что у него где-то есть София, — низвергала в ад. Но когда Максим ушел из дома к ней, я ощутила, что такое боль по-настоящему. И заткнула ее, словно заплатой, ненавистью.

Жан мне, конечно, не заплатил за фотосессию, это я сняла студию для работы. Но я неплохо получала за сотрудничество с питерским брендом и в том месяце впервые не отослала деньги маме, а оставила для себя. Покупала продукты, выбрала коляску и кое-что для малышки. Я надеялась, что Максим оценит.

Или возмутится. Приедет посмотреть, как я?

Спустя неделю молчания с его стороны я осознала, что он ушел насовсем. Из-за чего? Из-за фотографий?! Ненавидела его за то, что так легко отказался от нас с дочкой.

После родов Максим действительно закончил интрижку с Софией. Больше я о ней не слышала, но спустя время его рубашки снова стали вонять.

Он перестал говорить при мне по телефону с женщинами, у которых щенячьи интонации. Приходилось проводить расследования, чтобы докопаться и найти признаки измен. Иногда мне кажется, я неделями только этим и занималась помимо ухода за дочерью.

Глава 8

Я кручусь на месте, прыгаю от ошеломительного счастья! Грудь сдавило, кожу покалывает. Поднимаюсь на седьмое небо и парю над этим городом! Над целым миром! Жан — волшебник, настоящий ангел-хранитель.

— Максим, спасибо, что организовал мне встречу с Жаном, — выпаливаю, задохнувшись радостью. — Просто от души спасибо за этот шанс!

На мужа не смотрю. Вдруг становится все равно, о чем он думает. Плевать. Просто плевать! Я звезда. Я — Вселенная.

— Хм. Ты в восторге, — заключает он ровным голосом, из чего я делаю вывод , что муж в бешенстве.

Сама подбегаю с журналом к окну, чтобы рассмотреть получше. Вау.

— Давай разведемся, — выпаливаю быстро себе под нос. — Если тебе что-то не нравится, давай разведемся.

Максим ничего не отвечает секунду, вторую, третью. Первая горячка спадает, и яоборачиваюсь. Он скрестил руки на груди. В глаза смотреть не рискую, но журнал к сердцу прижимаю. Мое.

— Я модель. Я топ-модель, Максим. И конечно, у меня будут обнаженные фотосессии. Это работа такая.

— Мы уже говорили на эту тему: у моей жены не может быть работы светить задницей. Я сейчас в таком ахуе, милая моя девочка, что готов кого-нибудь убить. Я этого... Рибу достану и из России, он такую неустойку нам выплатит...

— Нет.

Секунду длится молчание. Затем слышу грубоватый голос:

— В смысле нет? Он опубликовал интимные фотографии без лицензии.

Я молчу, и Максим продолжает:

— Или у него были права?

Вдох-выдох. Да по фигу!

— Я модель, Максим. Бриллиант. Зимой я еду в Париж на Неделю моды. Это мой путь, и это моя жизнь. Яркая, интересная, великая. Я и так отдала тебе целый год.

Он снова отвечает не сразу.

— Тогда наши пути расходятся, потому что подобного плана величие не по мне.

— Я тут прекрасна, — показываю журнал.

— Да.

От неожиданности вскидываю глаза и напарываюсь на черноту.

— Рибу поместил тебя на обложку, чтобы продать своим друганам русскую девочку экзотической внешности. Я тебе рассказывал, ты чем слушала? Знаешь же, из какой я тусовки, сколько таких девочек с обложек переебали мои пацаны, и я в том числе, в свое время. На скольких, как ты думаешь, женились? — Максим показывает мне ноль. — Если ты хочешь на эту гребаную обложку, выбери любой наш журнал, я заплачу, и ты там будешь завтра же. В нормальном, блядь, платье.

Качаю головой. Больной. Больной придурок.

— Я сам телкам пару раз дарил обложки, не понимаю, че вы от этого фанатеете. Откуда еще у меня связи? — Он будто бы начинает нервничать, или маска спадает. Максим суетится, руками разводит. — В каком журнале хочешь? Любой. Скажи, я тебя устрою. Назови любой журнал.

— Перестань. Меня. Унижать.

— Мы договорились, что ты будешь с Витой. Она маленькая.

— Жан не работает с девушками старше двадцати лет, осталось мало времени. Я старалась, но... роль цыганской жены у плиты — не по мне. Меня уже... тошнит от всего этого.

Максим обескураженно качает головой, трет лоб, и это невыносимо. Ругаться с ним невыносимо.

— Как еще мне тебя убедить? Как описать будущее? Хочешь, чтобы смотрели на тебя и видели тело? Просто тело?

— Я хочу развода, — повторяю. — Поеду в Париж, и будь что будет. Всяко лучше, чем здесь.

Он вновь качает головой. А потом вдруг хватает сахарницу и со всей дури швыряет в стену. Я застываю. Она фарфоровая, подарок на свадьбу от его родителей. Красивая такая!

Сахарница врезается в стену и разбивается дребезги, вместе с сахаром осыпаясь на пол.

— Не смею задерживать.

Он разворачивается и идет в сторону лестницы. Заведенный, аж потряхивает его. Как и меня. Беру чашку из набора и тоже швыряю в стену. Потом еще одну, ему вслед. Мимо. Она бьется, осколки в стороны. Максим прижимает ладонь к лицу. Не оглядывается.

Хочется запустить в него еще что-нибудь! Я не готова прекратить ругаться, я хочу продолжать! Но, зная его...

— Вита меня любит! — кричу ему в спину. — Если ты нас разлучишь, у нее будет травма! Она вырастет и никогда тебе этого не простит! Никогда на свете! Поэтому ты так не сделаешь! Или будешь конченым! Просто конченым!

Максим опускает руку, сжимает в кулак. Вновь качает головой и поднимается выше.

Я показываю ему в ответ средний палец. Но он не видит, не оборачивается. Ему по хрену. Ненавижу! Как я его ненавижу! Несусь в прихожую, хватаю пальто и выхожу из дома, сажусь в машину и жму на газ. Включаю музыку. Меня трясет.

Тупой старомодный цыган. Старый-старый-старый дед! Психованный неадекват! Просто ненавижу!

На пассажирском сиденье лежит журнал, на котором я. Моя первая обложка, мой первый успех! Сжимаю зубы. Максим никогда мне этого не спустит. Никогда не свете.

Качаю головой. Пупыш сказал, что я должна стать личностью, что должна быть яркой, иначе Максим никогда меня не оценит. Но как же мне чего-то добиться, если ничегошеньки у меня нет?! Ни образования, ни талантов. Вытираю слезы, пока лечу по району.

Чем я могу покорить мужа, если больше ничего не умею? Ну не могу я еще пять лет нюхать его рубашки. С ума я сойду в таких условиях. Был бы плохой он — абстрагировалась бы и жила тихонько, радуясь возможностям. Но он для меня хороший, он такой нужный!

Люблю его! Аж в груди все пламенем, сердце на вертеле крутится, со всех сторон поджаривается. Хочу быть с Максом по-настоящему! Хочу, чтобы умирал по мне, чтобы с ума сходил, в аду горел от одной мысли! Мой старый тупой цыган! Я хочу, чтобы ни спать, ни есть у него не получалось! Я этого от него хочу.

Ну нет у меня образования! Не профессорша я!

Что мне делать, если единственная возможность пробиться честно — вызывает у него взрыв презрения? Ну как еще его привлечь?!

— Максим, я же люблю тебя, — шепчу беззвучно. — Люблю-люблю-люблю. Я так тебя люблю, что не могу простить! А ты меня нет. Совсем. Что мне остается? Карьера. Только карьера. Я буду успешной. Я буду... гребаной звездой. Иначе... в пепел рядом с тобой рассыплюсь, и ничего от меня не останется.

Глава 9

— Аня! — визжит в трубку Ира. — Аня-я-я!

Я смеюсь. Мы вместе начинали работать у Валерия Константиновича, с тех пор и дружим.

— Офигеть, да? — кричу. — Офигеть?!

— Какая ты умница! Я так тебе завидую! — радостно продолжает она, не скрывая эмоций. — И статья супер, я уже прочитала! Так ты о Максиме красиво рассказываешь.

О Максиме... Настроение чуть портится.

Около часа я катаюсь по поселку. За это время знакомые успели обо всем узнать, и телефон начал буквально разрываться! Коллеги, фотографы, менеджеры, что работали со мной ранее, принялись репостить к себе обложку, упоминать меня. Сообщения с поздравлениями посыпались как снег в октябре — вроде и предсказуемо, но при этом целое событие.

— Прости, Ириш, телефон обрывают, — говорю я. — Попозже созвонимся?

— Лучше встретимся, и ты все расскажешь. Поклянись, Зима! Что ты мне все-все расскажешь!

— Клянусь, — торжественно обещаю, сбрасывая вызов и принимая другой, тоже от коллеги.

В череде звонков и поздравлений поступает один, отвечать на который я не спешу. Ба-Ружа. Она редко пользуется телефоном, обычно мы созваниваемся через ноут с видеосвязью. А тут...

Мешкаю. Мимо пролетает внедорожник Папуши, я краем глаза замечаю номера. Отворачиваюсь.

Ба-Ружа звонит еще раз. Что ж, ничего плохого я не сделала.

— Да, ба? — спрашиваю в трубку весело.

— Чяй? Чяй Аня! — задыхается она.

У меня на миг щемит сердце.

— Бабушка, как вы? Все в порядке?

Ба-Ружа будто забыла русский алфавит, повторяет мое имя несколько раз, а потом обрушивает на мои бедные уши такой поток цыганских слов, что в панике сбрасываю звонок.

Этот язык может быть грубым. Наверное, как и любой другой язык на планете, но голос старой цыганки и вовсе превратил речь в жуткое проклятье. Волоски встают дыбом, я потираю предплечья и подавляю желание перекреститься.

Ба-Ружа звонит снова. Беру трубку и говорю:

— Я не хочу ссориться. Простите, я вас люблю, бабушка, но ссориться не буду! — После чего сбрасываю.

Мобильный разрывается! Звонки поступают в том числе с неизвестных номеров, с европейских... Я понимаю, что это работа. Мне хотят предложить работу.

Когда ба-Ружа звонит в четвертый раз, я вновь сбрасываю, крепко сжимаю телефон. Не все в этой жизни можно решить кровавыми простынями. Далеко не все.

Эйфория по-прежнему кружит голову, но при этом я ощущаю себя будто слегка... подавленной. Пришибленной? Какое-то посленовогоднее похмелье, когда просыпаешься первого января и понимаешь, что, несмотря на громкие тосты и пожелания счастья, ничегошеньки не поменялось. Все то же самое вокруг. Тот же дом, тот же старый диван колет поясницу. Храп пьяного отца из спальни, мать злая гремит посудой, Киря пялится в телик, в котором те же самые звезды. Все как было. И вообще никакого чуда.

Я ждала этот шанс, возможно, всю жизнь.

Обложка есть. Звонки есть. А сама я... прежняя.

Как бы Максим поступил на моем месте? Вряд ли бы раскис и сдался.

Поэтому собираю волосы в хвост, распрямляю плечи.

Что ж. Жизнь продолжается. Я жму на газ и поворачиваю в сторону дома.

У ворот припаркован только внедорожник мужа, Папуша уехала, мне не показалось. Интересно, это она успела рассказать Ба-Руже? Шустрая какая. Или Максим всех обзвонил, пожаловался?

Захожу в дом. Тут все по-прежнему, но при этом как-то иначе. Атмосфера поменялась?

Я снимаю ботинки, пальто. Глажу встречающую Луну, а потом подхватываю на руки Виту. Целую ее пухлые щеки, сладкую шею. Вита тут же начинает нервничать, тычется в грудь — долго меня не было, проголодалась.

Максим сидит в гостиной на полу и строит из кубиков башню. Уже один, без дочери, та у меня в объятиях. Быстро отмечаю, что осколки убраны.

— Ты запускал робота? — первой нарушаю молчание. — Вита ползает, не дай боже порежется.

— Да, конечно. На четыре раза, — произносит он. — Поднимает глаза.

Отворачиваюсь. Я сказала про развод — он разбил сахарницу, но ничего не ответил. Нужно сказать еще раз. Наверное.

От волнения колет кожу, слова стынут на языке. Не понимаю, почему на душе горько? Брак фиктивный, я знала, что все к тому придет.

— Хорошо, спасибо. Я уложу ее на дневной сон.

Мобильник сигнализирует об очередном входящем, я принимаю вызов и, отвечая на череду вопросов, поднимаюсь с дочкой по лестнице.

В кровати Вита крутится, никак не заснет, пока я даже вполголоса говорю по телефону. В итоге ничего не остается, кроме как отложить мобильник.

С трудом гашу раздражение.

Целую дочку в лоб и машинально напеваю нашу любимую детскую песенку. Вита улыбается, а потом начинает подпевать. Невпопад, конечно, совсем по-детски, но это так мило, что сердце замирает, а недовольство... улетучивается. И я наконец позволяю себе расслабиться.

Спустя час дочка сладко засыпает на груди, а я, позабыв о проблемах, лежу рядом и любуюсь. Не представляю, как можно было родиться такой красивой девочкой? Такой совершенной. Нежно поглаживаю ее пальчики, щечки. Такая тонкая, нежная у нее кожа, что видны паутинки капилляров.

Когда раздаются шаги, кладу голову на подушку и прикрываю глаза. Максим заглядывает в комнату, смотрит на нас некоторое время. Долго смотрит. Приближается.

Я изо всех сил стараюсь дышать ровнее, опасаясь, что он разбудит. И мы продолжим ругаться! Но... он этого не делает. Берет плед с пуфика и укрывает нас обеих.

Становится тепло-тепло, спокойно. Едва он закрывает за собой дверь, я засыпаю.

После пробуждения мы с дочкой готовим полдник, едим. Максим работает в кабинете. Он приходит, когда мы играем на диване.

— Будешь творог с фруктами? — спрашиваю я.

— Спасибо, нет. Через полчаса нужно выезжать к родителям. — Голос звучит глухо, отстраненно.

— Ты поедешь?

— Они готовились, ждут.

— Понятно. Ба-Ружа звонила, кажется, прокляла меня, поэтому, пожалуй, в этот раз останусь дома. Дам вам возможность обсудить меня как следует, — играю бровями. В сторону Максима не смотрю даже. — Сам скажешь о разводе, хорошо?

— Хорошо. Виту соберешь? Вещи, перекус.

Он не настаивает на моем присутствии, разумеется. Все, я больше не часть семьи. Меня изгоняют.

Знала, что так будет. Понимала риски: или будь послушной, или не будешь совсем. Но все равно горько. Я их всех... всех полюбила.

— Соберу, — начинаю суетиться. — Я положу на всякий случай кашу, как развести, ты знаешь... Не давай Ба-Руже кормить Виту супом, окей? Она вечно норовит, а там такой навар... И смотри, чтобы Вита шкафы не открывала, у твоих родителей чего только нет, и иголки, и скрепки. Я уже тысячу раз просила поднять все острое и мелкое наверх, они скотчем заклеили, но для нее отклеить — легкотня. Ладно? И пусть не облизывает ключи и пульты от телевизора. Микробов вокруг полно, не убережешься, но пульт для меня... это конец света. Пусть лучше с собаками обнимается.

— Я прослежу.

— Спасибо. Я там приготовила подарочки для Евгении Рустамовны, Папуши и Эли. Захвати, пожалуйста. Ничего особенного, просто шарфы и носочки от питерского бренда. Они хорошие вещи делают, качественные.

Надеюсь, мои подарки не сожгут на костре. Честно говоря, я очень хочу поехать на семейный ужин и злюсь, что нет такой возможности.

— И... если будете крыть меня матом, то хотя бы не по-русски при дочери.

— Искренне рад, что тебе весело.

— Плакать теперь?

— У меня эта неделя забита делами. Разводом займемся в четверг, освободи первую половину дня.

— Хорошо.

— Поищи адвоката. Могу предложить своего.

— Я поищу.

Собираю сумку, кормлю Виту и... отпускаю ее с Максимом. Сама, наконец, включаю мобильник и обалдеваю от количества сообщений.

Вскоре звонит Марко, ассистент Жана, он неплохо говорит по-русски, но сейчас в голосе столько эмоций и счастья, что я едва поспеваю за мыслью.

А на следующий день, рано утром, звонит Эля.

Она делает это впервые за все время нашего знакомства, я даже не знаю, откуда в моей телефонной книге ее номер. Случайно попал, наверное. Поэтому от удивления сразу снимаю трубку.

Глава 10

Три стука в дверь. Я как раз заканчиваю говорить с Элей и произношу:

— Входи.

Дверь открывается — на пороге муж с большим букетом бордовых роз! Не успеваю обрадоваться, как он бросает их на кровать.

Блин. Не от него.

Мгновенно догадываюсь об этом. Роль курьера Максиму не идет, да и сам он явно бесится.

Вита радостно взвизгивает, Максим, увидев дочь, сразу добреет, улыбается. Подхватывает ее на руки. Прошлым вечером я нарядила Виту в белую пижамку с зайчиками, которая его особенно умиляет. На мне точно такая же. Специально так сделала.

— Доброе утро, зайчишка, — говорит Макс дочери, не мне. — Как спала? Восстановила силы за ночь?

Вита что-то отвечает, включаясь в диалог на своем языке.

— Это мне? — спрашиваю.

— Надеюсь, пока не зайцу. Там еще несколько коробок внизу.

— От кого? Была карточка?

— Не увидел.

Блин.

— Максим... я не ждала, правда...

Он берет дочку и выходит из комнаты. Дверью не хлопает, но прикрывает ее достаточно плотно. Ясно и дураку — отгораживается.

Качаю головой и падаю на подушки. Ну какой он непробиваемый! Это просто знаки внимания, и, конечно, они у меня будут! Смысл психовать?

Развод. Спокойно через него проходят, должно быть, какие-то сверхлюди. Или те, у кого нет претензий и ожиданий друг от друга. Так бывает, наверное, когда проходит любовь и остаются лишь приятные воспоминания об общих минутах.

Нам с Максимом надо так же делать, у нас дочь маленькая, но как будто не получается. Словно у обоих в душе пепелище, и мы, ведя себя как взрослые люди, походим со стороны на каких-то мимов из представления. Роли наши карикатурны, а в душе что... богу только известно.

Я смотрю на розы и злюсь! Не могу с собой совладать! На части рвет.

Вот зачем Макс их сюда притащил? Я, разумеется, не ждала, что в вазу поставит, но можно было внизу сложить. Ну что он за скотина такая! Правда решил, что я над ним специально издеваюсь, давая поклонникам домашний адрес, чтобы те прямо сюда подарки слали?!

Снова кричать что есть силы на него хочется. Безумие. Просто безумие. Я накрываюсь покрывалом с головой. Трясет. От злости трясет, от негодования. От какой-то неописуемой ярости, которая глаза застилает! Еще недавно он говорил, что доверяет. Варил для меня кофе, болтал весело. Теперь конец этому? К своему ужасу, я вдруг понимаю, что, вероятно, после развода придется отсюда съехать.

***

Весь день только и делаю, что придумываю, как сделать мужу больно. Хочу мстить, обижать. Я так мучаюсь, что не могу с этим справиться. Целый день как на иголках.

А цветы продолжают слать! Пишут блогеры, интервьюеры, поступают приглашения на вечеринки. Все за меня рады, все хотят общаться, работать, дружить.

Только Максим не рад. Совсем.

С дочкой на руках много дел не сделаешь, она еще и капризничает, будто чувствует, что мать на взводе. Я звоню Папуше с просьбой побыть с Витой, но та отвечает, что занята до вечера. Прохладным голосом разговаривает, что тоже обижает. Не ожидала от нее столь резких перемен. С Евгенией Рустамовной даже не пытаюсь связаться, хотя сегодня воскресенье и у нее выходной. Видимо, прошлым вечером нанянчились.

У Максима сегодня несколько неформальных встреч по работе. Он предупреждал, что в выходные на него не надо рассчитывать, но все равно бесит — он работает, а я? Мне когда это делать?

В итоге весь день с дочерью мотаюсь и только ближе к шести пересекаюсь с Папушей, отдаю ей Виту, сумку размером с дом. Потом в машину прыгаю и выдыхаю.

На встречу с подругами остается не больше часа. Вот такая вечеринка в мою честь. Когда приезжаю, они уже поели и выпили. Бегом-бегом я рассказываю, что сама не ожидала такого эффекта: сразу, без проб, предложили несколько контрактов, которые нужно, разумеется, как следует изучить. Жан пообещал, что пришлет своего человека в понедельник, тот поможет во всем разобраться.

— У тебя же муж юрист, попроси у него помощи, — советуют подруги.

— Так и сделаю, — лгу я.

Максим с радостью поможет, да. Все дела бросит и кинется читать мои контракты! Бросит он меня на съедение, глазом не моргнув. Вот какой он! Или по правилам его табора живешь, или проваливай.

Я опускаю глаза на свои широкого кроя брюки. Они очень красивые и сидят прекрасно. Раньше я думала, что состоятельные люди одеваются сплошь в громкие бренды, но на самом деле это не так. Есть огромное количество малоизвестных дизайнеров, которые шьют действительно эксклюзивные вещи. Их имена знает ограниченный круг людей. Чудесные ткани, удобство, стиль. Наверное, теперь я снова могу носить мини и скинни. Наверное, надо.

По-прежнему больно даже думать о муже и обо всем, через что предстоит пройти. Все еще не верится, что это происходит.

Эля ждет в половину восьмого в одном из кафе, расположенном недалеко от ее квартиры. Она просила увидеться прямо с утра, но у меня было несколько важных телефонных разговоров, которые, правда, благополучно сорвала Вита.

— Привет, — бросаю, порывом ветра проносясь мимо золовки и падая на стул.

Усталость ощущаю ошеломительную. А еще размышляю о том, что этот разговор не нужен ни мне, ни Эле. Почему согласилась? Из всех Одинцовых младшую сестру Максима я опасаюсь меньше всего — мы никогда не ладили, и мне совсем не страшно снова с ней поссориться.

Поговорить о разводе придется и со свекрами, и с Ба-Ружей. Пусть сегодняшний вечер станет репетицией.

— Привет, Аня, — непривычно приветливо улыбается Эля. В руках коктейль держит, подозреваю, что алкогольный. — Заказать тебе выпить? Я угощаю.

— Я бы с радостью, но мне Виту кормить ночью. И я за рулем.

— Тогда чай?

Мы делаем заказ. Аппетита нет совсем, хотя я весь день практически ничего не ела. Нервы, эмоции — лучшее питание модели.

— Поздравляю с обложкой. Крутой результат, — уклончиво начинает Эля. — Реально. У меня в окружении все о тебе спрашивают.

— Спасибо, — благодарю неискренне, ожидая издевок или чего-то в этом роде.

Я хочу расспросить ее о родителях, бабушке, обо всей семье! Но не решаюсь, так как не готова слушать колкости. Обе с минуту молчим.

Эля делает еще один глоток и вздыхает.

— Слушай, мы не очень начали, но давай помиримся. — Она протягивает руку.

Я сперва вглядываюсь в ладонь, нет ли на ней краски или еще чего похуже — уж очень подозрительно. Но отказываться странно, и я пожимаю руку.

— Отлично. Фух! Думала, ты откажешь, — пожимает она плечами. — Извини, что называла тебя тупой деревенщиной.

— Ты меня так называла? — вскидываю брови. Щеки начинают гореть.

Брови Эли тоже летят вверх, она на секунду отводит глаза.

— Ты не знала? Эй. Давай, будто прошлой минуты не было, начнем сначала?

— Эля, что происходит? О чем ты хотела поговорить?

Золовка вздыхает, будто собираясь с мыслями и силами.

А я напрягаюсь. Уж не о встрече ли с Рибу она хочет попросить?

— Аня, у меня к тебе личная просьба. Не уверена, что ты согласишься, но и не попытаться было бы глупо... Фух! Ладно. Погнали. Мы с Тимуром хотим пожить вместе. Ты не могла бы убедить Максима, что это нормально? — Эля вдруг краснеет до кончиков ушей. Трясет ладонями у лица, словно наконец решилась озвучить идею. — Я это сказала!

Я на миг застываю.

— С Тимуром?

— Моим парнем. Хочу пригласить Тима на следующий семейный ужин и объявить, что мы будем жить вместе. Но ты ведь знаешь Максима! Ему это не понравится. Тимур сам предложил съехаться. Жениться мы пока не готовы.

Я вновь моргаю. История любви Эли настолько не бьется с тем, что я ожидала услышать... На миг ощущаю шок от понимания: у других людей свои жизни, которые не вертятся вокруг моей обложки.

— Поздравляю! Жить вместе — это важное решение, круто.

— Спасибо. Так ты поможешь?

— Эм. Эля, я бы с радостью, но с чего ты вообще взяла, что я могу помочь, когда дело касается гнева Максима?

— Он тебя послушает.

— Смеешься? — Машинально разрываю салфетку на тысячу крошечных кусочков.

Но на лице Эли ни намека на улыбку.

— Я буду твоей должницей.

— Мне жаль, но я даже не представляю, как бы могла к нему подкатить с этим.

— Понятно. Тогда не смею больше задерживать, — выпаливает она, начиная громко собираться. Все еще красная как рак, на глазах слезы.

Я впервые вижу ее такой уязвимой и не выдерживаю. Соскакиваю на ноги, хватаю за запястье.

— Эля... я не хотела обидеть. Поверь, если бы я только знала к нему подход...

— Если кто-то в этом мире и знает к нему подход, так это ты! — тараторит она.

Глава 11

Глаз с Эли не свожу. Где-то там, в глубине зала, тарелка звонко разбивается, голоса вокруг становятся тише, народ вертится, ищет причину шума. А мне настолько важно смотреть на золовку и ждать пояснения, что прочее не имеет смысла. Пусть хоть огнем все запылает!

— Я? — уточняю. — Я знаю к Максу подход?

Эля дергается, плечами пожимает, словно ей неприятно это признавать.

— Ну. Аня! Разве иначе он разрешил бы тебе откровенную обложку во французском «Out of fashion»? Это так похоже на моего братца! — прыскает ядовитым сарказмом. — Он сама толерантность и понимание!

— С чего ты взяла, что он разрешал? — усмехаюсь я.

Она хмурится:

— Сам так сказал.

Замираю. Эмоции и чувства консервируются. Я растворяюсь в воздухе, пытаясь осознать услышанное. Едва в себя придя, резко меняю тон и лисой-подлизой спрашиваю:

— Вчера? Да? Расскажи подробнее. Пожалуйста. Как прошел вчерашний ужин, Эля?

Мы смотрим друг другу в глаза, после чего обе возвращаемся за столик. Голоса вновь гудят ровно, народу битком. Но создается ощущение, что мы наедине. Эля тянется, чтобы не кричать.

— Ну... Вчера за ужином Макс так и заявил: «Фото Ани — это искусство, нужно понимать разницу между работой в сфере моды и порнографией», — пародирует брата.

У меня падает челюсть.

— Так и сказал?! — взвизгиваю. Пытаюсь, конечно, марку держать и не показывать шок. Но... не очень-то получается.

К счастью, Эля так занята собой и своими проблемами, что не замечает.

— Ага. И слава богу. Мама ведь уже такого навыдумывала! Что якобы ты на меня плохо влияешь и что Вита непонятно кем вырастет. Всем уже с Ба-Ружей наставили диагнозов, старые цыганки, — закатывает она глаза. — Бесят. Максим приехал и все это закончил. Он умеет, конечно.

Волоски на коже стоят дыбом.

— Да ладно.

Эля вновь хмурится. Тут до меня доходит, что она не в курсе ссоры. Мгновенно меняю тактику поведения: прекращаю обороняться и начинаю вести себя как жена Максима. Сообщаю деловито:

— Не ожидала, что он вступится за меня перед родителями. Тема такая... скользкая.

— Он всегда за тебя вступается и перед родителями, и перед всеми, — отмахивается Эля. В голосе сквозит странная детская обида, словно мы — давние соперницы. — Мама злится, но ничего не может сделать. Мне тоже поначалу было неприятно, потому что... — золовка быстро стреляет в меня глазами, — казалось, что ты его вообще не любишь. Эта внезапная беременность... А Максим — мой единственный и самый любимый брат. Самый-самый близкий из всех. — Она распечатывает зубочистку, ломает ее. — Он, конечно, перегибает со строгостью, но я знаю, что он меня любит и желает только хорошего. Я когда с Тимуром познакомилась и он начал так же меня защищать — поняла, как это важно. Тимур тоже хороший, я просто не готова бросить его на растерзание Максу! — Эля невесело смеется. — Он... такой у меня. Другой, в общем. Ну и вижу я, что ты действительно нашла к брату подход, уж не знаю какой. — Она снова закатывает глаза и чуть краснеет. — Даже не рассказывай, это ваше личное. Но, если тебе несложно, сделай так еще разок. — Сводит брови домиком.

В этот момент сестра Максима выглядит милой и забавной, впервые на моей памяти. Перемены разительны. Я, конечно, ее прощаю, но... при этом столько мыслей в голове, что та начинает раскалываться.

— А ты можешь объяснить подробнее, что вчера было? Я не смогла приехать.

Эля пожимает плечами:

— Да как обычно все. Мама с Ба-Ружей накрутили друг друга до точки кипения. И мне досталось, я там выступила в ответ. Но ты тоже извини — где Максим и где «Out of fashion»? Вернулась Папуша, мы открыли бутылку вина, потом вторую и третью. Плакали и причитали. Всю жизнь тебе расписали на будущее. Папа спрятался в кабинете. Потом приехал Максим и разогнал шабаш. Сказал, что мы ведем себя как сплетницы, что у него всё под контролем. И что вообще время другое и надо голову включать. Мама, конечно, на него тоже набросилась, но он ей быстро закрыл рот. Обожаю, как он это делает: не грубо, но без шансов на сопротивление. Заявил, что ты та же самая Аня, которую они все обожают, и что ничего не изменилось после публикации журнала. Что ты талантливая, и с этим придется смириться. Была бы другой — он бы тебя не выбрал.

Мурашки бегут по коже, аж зябко становится. Я потираю замерзшие ладони.

— Так и сказал? Прямо дословно?

— Ну да. Мы с мамой не очень верили, что вы долго протянете вместе. Но вообще, год прожить с Максимом под одной крышей и прогнуть его на фотосессию... — смеется Эля. — Если кто-то и сможет помочь мне с Тимом, то это ты. Мне, кстати, по секрету, твои фотографии понравились. Только маме не говори, у нее будет очередная истерика на тему, что мы все умрем.

— Спасибо.

— Ты на маму тоже не обижайся, у нее иногда шарики за ролики заходят. — Эля крутит пальцами у висков. — У нее такие ужасы были с первым мужем, думаю, это отложилось. Когда она сказала, что видеть тебя на пороге дома больше не хочет, она не со зла. Клянусь. Максим тут же развернулся уходить, это было так жестко, бедная Вита, она уже тянулась к бабушке и дедушке. Даже папа вступился, заявил, что маме пора успокоиться и выпить коньячку. Мне самой стало страшно, что Максим перестанет с нами общаться. И что здесь поделаешь? Тим бы на его месте так же повел себя, и я понимаю. Правда понимаю.

— Кошмар. Мне жаль, что все переругались.

— Ты же знаешь, у мамы четыре родных брата в таборе и миллиард прочих родственников. Они все, разумеется, видели журнал, давай ей звонить, накручивать, дескать, родила от русского, и вот пожалуйста, сын женился на... модели. Ой жесть. Никто в таборе не различает искусство и порнуху. Ба-Руже стало нехорошо.

Я делаю пару глотков воды, а потом и вовсе осушаю стакан. Наливаю еще.

— Да уж. Представляю.

— Но Максим всем все объяснил. Реально, кому какое дело, что там говорят? Мама выпила коньяка и успокоилась, сегодня уже сама по телефону хвасталась подруге, что невестка у нее звезда.

— Правда?

— Конечно. Мы хорошие, чуть-чуть вспыльчивые, но быстро остываем, — хлопает Эля ресницами. — Макс из-за тебя разругался со всеми друзьями, даже с Басовым, а они со школы вместе. Он от тебя без ума. Пожалуйста, скажи ему, что Тим отличный парень. — Она сжимает ладони. — Мы правда любим друг друга.

***

Я выхожу из кафе, сажусь за руль и некоторое время смотрю в одну точку.

Он меня защищал. Заступался. Почему? Почему он так делал?

Не понимаю.

Мурашки бегут по спине и плечам. Кожу покалывает, нетерпение сжимает грудную клетку. Прокручиваю в голове слова Эли. Вряд ли бы она стала обманывать, у нее свой интерес — Тим.

Вот бы увидеть хоть одним глазком, как Максим Станиславович говорит родной матери и Ба-Руже, что они не разбираются в искусстве! Даже представить себе не могу такое.

Улыбка широко растягивает губы. Я ударяю в ладоши несколько раз и вновь пропускаю через себя разговор. Ух! Максим за меня заступился, несмотря на ссору, на обман. Он им всем сказал, что это с его разрешения.

Дух захватывает.

Следом вспоминаю о дочке и звоню Папуше. Та у нас в гостях, сообщает, что всё в порядке, Вита купается, скоро будет ужинать. Бутылочка у них есть.

Максима еще не вернулся, до сих пор на работе, наверное.

— Если она откажется, позвони, хорошо? Я приеду в течение часа.

— Конечно.

— Спасибо большое, милая Папуша!

— Да не за что. Кстати, спасибо за шарфик, очень мило.

— Рада, что понравился. Я тебя сильно-сильно люблю, — говорю торопливо и, не став ждать ответа, сбрасываю.

Навигатор показывает, что пробок в мою сторону нет. Долечу быстро.

«И я тебя», — приходит от Папуши.

Вновь улыбаюсь, вытираю ладонями щеки. И все же, почему Максим заступился, никак понять не могу! Почему сделал так, чтобы они все приняли меня и мою профессию?

Нужно выяснить немедленно. Прямо сейчас. Иначе... взорвусь от нетерпения!

Если я сделаю небольшой крюк до работы Макса, то опоздаю максимум на полчаса. Хочу его увидеть. Мы должны поговорить на нейтральной территории, не дома и не при дочери. Нам надо хотя бы раз после рождения Виты это сделать.

Выжимаю педаль газа.

Если он хотя бы на двадцать процентов думает так, как сказал родителям, то, может быть, нам необязательно разводиться?

Надо поговорить. Просто поговорить.

Светофоры на моей стороне — долетаю быстрее, чем планировала. Время позднее, поэтому место на парковке найти легко.

В этом здании я была раза два за все время, и то будучи беременной, но охранники узнают и пропускают. Поднимаюсь по лестнице, на лифт времени нет.

Зря, наверное, я наговорила Максу эти злые слова! Как бы там ни было, он единственный, кто с самого начала всегда был на моей стороне. Что бы ни происходило. И на яхте, и перед родными, друзьями, врагами... перед всеми. Пусть не любил, но чувства — это только наше с ним дело. Перед другими он был мне мужем.

Почему-то я обо всем этом забыла. О его словах поддержки, примерах из жизни, советах и постоянной похвале. Забыла о родах, самом страшном и прекрасном дне в жизни, когда Максим тоже был рядом. Постоянно. От обиды и боли я вмиг позабыла все хорошее. Обесценила. Теперь вспомнила и устыдилась. Мы справимся без адвокатов, даже если развод неизбежен. Мы обязаны договориться!

Нужный этаж.

Коридор пустой — вечер воскресенья, все дома с семьями. Развязываю шарф, расстегиваю пальто. Жарко! Стараюсь идти потише, но все равно шаги дают эхо. Я думаю о том, что

пусть брак и фиктивный, но мы обязаны выполнять клятвы, данные в загсе. И Максим выполняет.

Надо сказать, как важна для меня его поддержка и как трудно мне было бы без нее.

Марии Александровны, его секретаря, на месте нет, поэтому подхожу сразу к кабинету и стучусь. Толкаю. Заперто.

Оттуда свет идет.

Я стучусь еще раз. В груди как-то больно вдруг сжимается. Поднимаю кулак и ударяю громче. Потом еще и еще. Я буквально долблюсь в дверь!

Сердце гулко бьется. Почему-то становится дурно, я стягиваю шарф с шеи и запихиваю в сумку.

Когда вновь поднимаю руку, чтобы продолжить, замок щелкает и дверь открывается.

Максим стоит передо мной в рубашке, без пиджака. Это я как-то сразу улавливаю. Верхние пуговицы расстегнуты.

— Аня? — По лицу считывается изумление.

И еще другие эмоции, не разберу сразу какие, но их много, и все они — тяжелые, мутные.

За его спиной шум. Приподнимаюсь на цыпочки и пытаюсь заглянуть через плечо. Максим выходит ко мне, закрывает за собой дверь плотно. В этот момент я все понимаю и мир в очередной раз рушится.

Глава 12

Отворачиваюсь, глаза опускаю. Это невозможно. Просто невозможно вынести. Топ-модель Аня Февраль в действительности состоит из битого стекла, обтянутого кожей.

— Я не вовремя? — бормочу. — Домой поеду, там Вита...

— Ты зачем приехала? Что случилось?

— Не имеет значения. — Шаг назад делаю.

— Нет уж стой. — Максим берет за руку.

Освобождаю ладонь тут же, не грубо, но решительно, меньше всего на свете я хочу касаться его. Тогда он обхватывает запястье. Фиксирует сталью, не пускает.

— Погоди. Пойдем-ка поговорим, — тянет в сторону.

В сторону соседнего кабинета, где восседает его юридический отдел, кажется. Или там конференц-зал? Не помню. Внутри стекло битое, оно не дает двигаться, дышать не дает. Болит все. Тело болит, душа кровоточит.

Я думаю о той роковой женщине, которую упоминала Ба-Ружа. Что ради нее Максим и связался с Кале, ради нее все и было задумано. Я не видела ее, но знала, что она где-то есть в этом мире. Как-то сразу понимаю, что сейчас — здесь, за дверью.

Дыхание перехватывает от черной, мертвецкой ревности. Я хочу ее, суку эту, ударить. В драку готова кинуться! Не леди я, а обычная деревенская девка сейчас, которая хочет оказаться на *ее месте*! А раз нет — значит, мстить. Мне вообще ничего в жизни не нужно. Карьера, друзья, деньги... — по фигу.

Лишь бы он меня любил. Вот так же, как ее, любил!

Зависть бьет градом. Следом я думаю об Олесе, невесте бывшей, которую Максим выбрал и по которой скучал.

Он открывает соседнюю дверь, включает в кабинете свет, жестом приглашает.

А я делаю рывок обратно на полной скорости! Кто бы там ни был в эту минуту, я ее хладное тело в землю зарою!

Муж ловит на полпути за талию. Выкручиваюсь, бью его, ногами в воздухе болтаю. Он поднимает выше, как куклу. Дерусь, кусаюсь!

— Тише-тише-тише, — успокаивает.

От чего еще сильнее вдребезги! Он пытается тащить — я змеей извиваюсь.

— Кто там у тебя? — психую, опять бью его. — Кто там прячется?

Слез нет, хватит уже, выплакала. Я впадаю в истерику и не хочу себя останавливать. Не могу, не буду!

— Аня, камеры. Аня...

Да пошел ты со своим статусом!

Едва Максим ослабляет хватку, вырываюсь. Он тоже злится, я — так и вовсе вулкан действующий.

— Кто?! Цыганка твоя?! Та самая?! Это ее черные волосы на твоей одежде?

— Конечно же, нет! — рявкает.

Не верю. Ни одному его слову не верю! Указываю на дверь его кабинета и ору:

— Покажи! Я хочу видеть! Ту хочу видеть, после которой ты любить разучился. Покажи мне ее!

Глаза вскидываю, и мы в ярости пялимся друг на друга. Внутри такие взрывы, что кости — в крошку. Сердце тарабанит, чувствами захлебываюсь. А потом что-то холодное под ребрами вспыхивает и по венам разливается. Я вдруг понимаю, что это конец. Та самая точка невозврата.

И он это понимает тоже.

На миг тихо становится. Звуки во всем мире умерли. А может, мы оглохли? Тишина опустошающая, тишина — как конец всему. Сердце больше не бьется, кровь не течет. Мы с Максимом — теперь по отдельности?

Может, дура я полная. И мама, и брат это в лицо не раз еще скажут. Живу как в раю, всё при мне, муж на руках носит.

Будь на его месте другой — и сама бы так думала. Девочке из колхоза повезло несказанно, из разваленной хибары в замок угодила!

Но не могу. Не с ним. Только не с ним играть в семью.

Я просто больше не в состоянии.

Лед по венам. Я, конечно, умру и не один раз, по мужу тоскуя, но уже не вернусь никогда. Что бы ни было — не вернусь!

И судя по реакции, он это знает. Воображаю, как в следующий миг разворачиваюсь и ухожу. Как Максим шлет вслед напутствия. Как брак разбивается всмятку — не сохранили. Я представляю финал нашей истории. И молчу.

Стою как вкопанная.

Максим... тоже стоит.

Мы оба, бешеные животные, тянем. Мы... будто осознанно оттягиваем тошнотворно предсказуемую концовку.

Горячка чуть спадает, и становится страшно. Звуки резко включаются, какой-то шум сирены с улицы, гудение кулера. Голос Максима:

— Аня, пожалуйста.

Угрожает? Просит? Не понимаю.

Он подходит, берет за руки. Смешно становится — и правда же чуть в драку не кинулась! Вот же глупая. Будто это помочь может.

Макс в глаза смотрит четко, гипнотизирует. Он это умеет.

— Девочка моя, пойдем-ка обсудим ситуацию. Вот это да.

Я качаю головой. К черту его магию. К черту всё!

Шаг назад от него.

— Если ты не покажешь, все закончится. Богом клянусь, под твоей крышей ночевать не останусь. Что бы дальше ни было. Что бы ты со мной ни сделал. За решетку хочешь? Сажай! Ногами бей! У меня внутри сплошная рана. Ну кто там? Олеся? Цыганка та? Кто?! Просто скажи и отпусти. Просто сделай это.

Мы у черты. Перешагнем ее — и фиктивный брак рухнет. Никогда так близко к краху не были. Все, что построили, в воздухе зависло, над головой моей. Крошечный шаг — и обрушится.

Трясет. От ужаса зубы стучат. Как же я могу потерять Максима навсегда? Разве переживу, если увижу с другой? Но и так тоже нельзя. Живые люди — они не уголь, они дышат и кровоточат.

Я так растеряна!

— Ни первая, ни вторая. — Он снова подходит. Лицо мое обхватывает, в глаза заставляет посмотреть себе. Паникует будто.

Тоже черту чувствует? Понимает, что все, заступили? Почему тогда нервничает? Зачем ему это? Отпусти. Какая тебе разница! Отпусти, раз не нужна. Умеешь ты и словами рубить, и точки ставить. Ты все-все умеешь, это для меня впервые.

Брови вместе свожу, ожидая всего на свете сейчас. Внутри крошка, хуже уже не будет.

Он говорит мне:

— Малыш, малышка моя.

Ладони его теплые, уютные. И это — просто ужасно. Слушать и хотеть верить. Дура из Упоровки в столицу приехала на автобусе и в сына посла втрескалась. Дура набитая.

Максим нависает, в глаза смотрит:

— Тебе это не надо все. Ты чистая, хорошая. Тебе это не надо.

— Надо, — шепчу. Пялюсь на него. — Ты не понимаешь, как сильно мне это надо. Ты совсем ничего не понимаешь! Я просто хочу уже понять. Мне надо это понять! Макс! — Обхватываю его руки. — Максим, Ману, или ты мне показываешь, или я уезжаю с Витой. В гостиницу, в Упоровку, к твоим родителям... плевать! К кому скажешь, туда и уеду. Но с тобой не останусь. Ни секунды не останусь. Не делай из меня дурочку.

— Блядь, — говорит он беззвучно. — Как хреново вышло.

Мы так и смотрим друг другу в глаза. У него там пламя белое, уничтожающее. А еще я вижу горечь, кожей ее чувствую через касание, она от него ко мне перетекает по невидимым линиям.

Волоски стоят дыбом. Я сжимаю его руки сильнее — он головой качает. Мы оба состоим из горечи.

Максим как будто отпускать не хочет.

Почему? Любви-то нет, он так и сказал перед самой свадьбой, когда мы поговорили по душам. Когда я призналась, что случайно подслушала разговор с Ба-Ружей. Хотела молчать сперва, но как его увидела, все и вылепила, прямо в лицо. Стояла в белом платье, с прической, перед ним в загсе.

Макс тогда дверь кабинета на ключ закрыл, и мы говорили. Долго. Чуть не опоздали ко времени. Я призналась, что в своей жизни дважды занималась любовью, но при этом оба раза... без любви. Парадокс. Не любили меня. Я сказала ему, что живая. Что из плоти и крови состою! Что не надо со мной просто так! Что я настоящий человек! Не могу я просто спать с мужчиной, я мечтаю тонуть в чувствах. Что мне именно это надо! Настоящую любовь — яркую, вечную. И не меньше! Что я не могу. Просто не могу по-другому! Иначе выжжена. Такой и чувствовала себя — деревце сожженное, только Вита и грела внутри.

Он расстроился. Сел в кресло, лицо потер. И посмотрел на меня своими черными, но совершенно пустыми глазами. Наверное, впервые настоящими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.